

INSPIRIA

ЗВЕРИ МАЛОЙ ЗЕМЛИ

18+

Чухе Кум

INSPIRIA

Loft. Азиатский бестселлер

Чухе КИМ

Звери малой земли

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Ким Ч.

Звери малой земли / Ч. Ким — «Эксмо», 2023 — (Loft.
Азиатский бестселлер)

ISBN 978-5-04-199400-6

Куртизанки, тигры и патриоты: почему стоит прочитать роман «Звери малой земли»? «Роман "Звери малой земли" погружает читателя в культуру и историю Кореи, открывая путь в мир, где "малый" не всегда означает "слабый", а сила — в любви». — Мария Осетрова, востоковед, научный редактор произведения. 1917 год. Корея — японская колония. Крестьянская семья в отчаянном положении продает в школу куртизанок десятилетнюю дочь по имени Яшма. Ее единственным близким другом становится мальчик-сирота Чонхо, попрошайка с улиц Сеула. Повзрослев, Чонхо окажется вовлечен в революционную борьбу за независимость страны, а Яшма станет востребованной артисткой. Куда только не заносит судьба персонажей Чухе Ким: от фешенебельных кафе Сеула до заснеженных лесов Маньчжурии, а где-то между страниц затаился тигр. «"Звери малой земли" — произведение для тех, кто не боится изучения неоднозначных страниц истории и готов лично разобраться в хитросплетениях времени». — Анна Семида, японист, научный редактор произведения «Это необычайно человечный и очень нежный роман о жестокости жизни, произведение о том, как судьба совершенно неожиданно сводит людей друг с другом, и о том, как подобные встречи, даже самые мимолетные, влияют на наш дальнейший путь». — Кирилл Батыгин, переводчик

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-199400-6

© Ким Ч., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	8
Том I	21
Глава 1	21
Глава 2	33
Глава 3	38
Глава 4	44
Глава 5	51
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Чухе Ким Звери малой земли

Juhea Kim

BEASTS OF A LITTLE LAND

Jacket design by Allison Saltzman

Landscape art courtesy of the National Palace Museum of Korea

Copyright © 2023 HarperCollins Publishers All rights reserved. Published by arrangement with Ecco, an imprint of HarperCollins Publishers

Консультант-кореевед: Мария Осетрова

Консультант-японист: Анна Семида

© Батыгин К., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Посвящается моим матери и отцу

###

Пролог Охотник 1917 год

Небо было белым, а земля – черной, как в самом начале мироздания, перед первым восходом солнца. Облака оставили высь и опустились так низко, что, казалось, притрагивались к земной тверди. В тумане смутно маячили силуэты огромных сосен. Все замерло и смолкло.

Появился одинокий путник – песчинка на фоне таинственного ландшафта. Охотник. Присев у свежего отпечатка лапы, все еще мягкого и словно хранившего толику тепла, он принюхался в поисках направления, куда проследовала его жертва. Легкие мужчины заполонил пронизывающий запах снега. Зверолов улыбнулся. Легкий снегопад скоро должен был упростить выслеживание зверя. Судя по размерам следов, крупный леопард, предположил охотник.

Он выпрямился, беззвучно, как тень среди деревьев. Животные тихо передвигались по лесной чаще – их полноправной территории. Однако горы принадлежали и ему. Точнее, он, как и животные, принадлежал этим горам. Нельзя было сказать, что эти скалы были чрезмерно щедры к нему или приносили какое-то умиротворение. В местных лесах ни человек, ни зверь не могли ощущать себя в полной безопасности. Но как леопард знает, каково быть леопардом, так и он в полной мере осознавал, что означало его бытие среди этих холмов: как ему нужно дышать, идти, думать и наносить смертоносный удар.

Землю под ногами преимущественно покрывали буро-красные иглы сосен. Следов на пути попадалось все меньше. Вместо них охотник выискивал царапины на стволах или места, где заросли были едва заметно потревожены, свидетельством чему становились, например, зацепившиеся за сломанную ветку тонкие шерстинки. Человек смог сократить дистанцию, отделяющую его от добычи, но свою жертву он не видел уже больше двух дней. Провизия – шарики из жестковатого ячменя, приправленные только солью, – у него уже давно закончилась. Пролетную ночь он провел в развороченном стволе смолистой сосны, вглядываясь в яркий серп месяца и всеми силами пытаясь не заснуть. Впрочем, благодаря голоду и усталости походка становилась легче, а думы – яснее. Охотник пришел к мысли, что если его что-то и могло остановить, то только смерть.

Пока что на пути охотнику не получилось ничем поживиться. Кролики, олени и прочая мелкая живность попрятались на зиму, так что в последние месяцы леопардам приходилось не менее туго, чем людям. Рано или поздно погоня должна была подойти к концу, и тогда мужчина был готов прикончить зверя. И преследователь, и преследуемый остро нуждались в пище и отдыхе, но охотник был полон решимости продержаться дольше своей добычи – столько, сколько потребуется.

Мужчина добрался до поляны, окруженной молодыми соснами, которые кучкой выстроились у скалистой стены. Охотник подступился к обрыву и окинул взглядом окружавший его зимний горный пейзаж, в котором сочетались оттенки угольно-черного и пепельно-зеленого. Пелена облаков, подгоняемая ветром, застревала на холмистых столпах, развеиваясь, подобно обрывкам шелка. Прямо под его ногами зиял провал в дикую белую пропасть. Охотник порадовался, что смог добраться до этого места. Леопарды любили обживать на высоких скалах. Весьма вероятно, что именно здесь ему и предстояло обнаружить логово зверя.

Что-то нежное и холодное мягко дотронулось до его лица. Охотник обратил взор к небу и увидел первые хлопья снега. Теперь можно было ожидать больше следов на пути. Надо было как можно скорее обнаружить добычу и покинуть горы, пока снег еще не выпал плотным слоем. Мужчина покрепче ухватился за лук.

Если природное чутье его не обманывало, то логово леопарда должно было находиться прямо под ним, на краю обрыва. Тягостному противостоянию предстояло скоро завершиться. Но теперь надо было задержаться на этой точке вплоть до того, как зверь выйдет наружу. А сколько это заняло бы – час или целых три дня, – предугадать было невозможно. Человек к тому моменту вполне мог бы скрыться с головой под снежным покровом. И тогда его тело обратится в снег, камни и ветер, леопард насытится его нутром, а неокрепшие сосны впитают его кровь. Не станет его. Будто бы он никогда и не жил среди других людей у подножия этих гор.

В той, другой, жизни он служил в армии Корейской империи¹ и числился одним из лучших стрелков страны. Некому было тягаться с ним по умению стрелять как из винтовки, так и из лука. Вдохновившись всевозможными поговорками по поводу характерных черт жителей различных провинций Кореи, люди прозвали его тигром из Пхеньяна. Ведь эти свирепые звери обитали на каждой горной вершине и у каждой опушки леса того малого края, который даже древние китайцы именовали «страной тигров». Но охотнику это прозвище было больше к лицу, чем крестьянам из южных окраин державы. Мужчина вырос среди прирожденных охотников, которые привыкли выживать на земле, слишком обрывистой и суровой для возделывания.

Отец следопыта в свое время также нес воинскую службу в Пхеньяне. Каждый раз, когда военнотружашим недоплачивали причитающееся жалованье, родитель уединялся в горах. Чаще всего он возвращался домой с тушами оленей, зайцев, лисиц, фазанов и прочей мелкой дичи, но иногда ему удавалось повалить и кабанов, черных медведей, леопардов и волков.

Когда охотник был еще ребенком, его отец смог в одиночку убить тигра. Зверя стащить с горы удалось только при содействии шести сильнейших мужчин из деревни. По возвращении односельчане окружили их плотным кольцом. Дети бежали впереди ликующей толпы. Стоимость шкуры тигра значительно превышала солдатское жалованье за целый год. Грузную тушу уложили под сень дерева гинкго на деревенской площади. Женщины каким-то образом сотворили целый пир из ничего – то был их особый талант. И все напились допьяна рисовой брагой цвета молока.

Но той ночью отец, сидевший со скрещенными ногами на каменном полу, который все еще хранил тепло лучей солнца, заметно помрачнел.

– Не убивай тигра, если только у тебя нет другого выбора, – сурово молвил отец.

– Но, отец, мы же теперь разбогатели. Сможем купить много риса, – заметил сын. Обрубок свечи скромно мерцал между ними. Свет едва пробивался сквозь мрак, который обволакивал их, подобно плотному зимнему одеялу. Мать и сестры возились с шитьем или уже спали в другой комнате. Единственными звуками, сопровождавшими их беседу, были приглушенные переклички между совами, отправившимися на охоту.

Отец смерил сына взглядом и заявил:

– Ты с ранних лет подстреливаешь зайцев и фазанов.

– Да, отец.

– Можешь попасть в фазана со ста метров.

– Да, отец, – гордо признал он. Во всей деревне не было лучника, способнее его. Ну, кроме отца.

– Ты сможешь попасть в дерево с тех же ста метров, а потом вдогонку прищипить первую стрелу еще одной?

– Да, отец.

– Так скажи мне: под силу тебе убить тигра? – спросил отец. Сын было собирался сказать «Да»: он в самом деле думал, что уже дорос до этого. Однако тон отца подсказывал, что на этот вопрос был только один верный ответ: молчание.

¹ *Корейская империя* – наименование Кореи в период с 1897 по 1910 год, до аннексии полуострова Японией. (Здесь и далее прим. пер.)

– Покажи-ка мне свой лук, – попросил отец. Сын поднялся, принес лук и положил его на пол между ними.

– Не имеет значения, насколько ты хорош как лучник. Таким орудием тигра не убьешь, – заявил отец. – На больших расстояниях лук бессилён. К тому же тигр не фазан. Таким луком ты в лучшем случае ранишь тигра метров с двадцати или чуть меньше. Смертельно ранить его ты сможешь только метров с пятнадцати. А знаешь ли ты, как быстро тигр может преодолеть эти пятнадцать метров?

Сын безмолвно признал неведение.

– В тигре почти три метра от кончика носа до кисточки на хвосте. Ему под силу, при желании, в один прыжок перемахнуть через дерево посреди нашей деревни. Для тигра перепрыгнуть через нашу хибарку – что для тебя или меня перескочить через лужицу на дороге. Выстрелишь в тигра слишком рано – только слегка ранишь и разъяришь его. Выстрелишь поздно или промахнешься – тигр тебя достанет в мгновение ока. Пятнадцать метров до тебя тигр пролетит в считаную секунду.

– Но, отец, ты же сегодня убил тигра, – удивленно отметил сын.

– Говорю тебе: убивай тигра только в том случае, когда у тебя другого выхода нет. Да и то только тогда, когда тигр попытается прикончить тебя первым. Во всех остальных случаях сторонись тигров. Ты меня понял?

* * *

Воспоминания нисходили на охотника столь же мягко, как снежинки с небес. Он спрятался за камнем, из-за которого открывался вид на выступ. Снег, задувавший в глаза и ноздри и намерзавший коркой на голых руках, не давал сконцентрироваться. Снегопад оказался более обильным, чем ему показалось на первый взгляд. С такой высоты открывался отличный вид на облака, гонимые ветром с востока. Было очевидно, что снег будет валить еще долго. В голову сразу пришла мысль, что ему следовало спускаться с горы в тот самый момент, когда он ощутил запах снега, склоняясь перед мокрым отпечатком лапы.

Но просто наблюдать за тем, как его дети, тихие, как мышки, неподвижно сидят посреди их домика, он уже не мог. У ребятишек не осталось сил даже болтать друг с другом. Он пообещал им вернуться с чем-то съедобным. Если бы ему удалось подстрелить оленя или кролика, то он бы уже давно был дома и наблюдал за тем, как личики детишек загораются искорками радости, как фонарики. Но вместо этой удачи судьба подсунула ему след леопарда и соблазн одной шкуркой окупить полугодовой урожаем.

«Не выпало ли мне умереть именно сегодня?» – застучал в висках вопрос. На охотника вдруг навалилась невероятная усталость. Тело оставило все напряжение, которое помогало сохранять вертикальное положение. Снежный сугроб ему вдруг напомнил пиалу обжигающе горячего белого риса, который он ел не более пяти раз за всю жизнь. Эта мысль не вызвала гнева, наоборот – он расхохотался. Смех ветром пронёсся по его худому телу. Следопыту хотелось еще немного помечтать о том, что он хотел бы успеть съесть перед смертью: тушеные ребрышки в соевом соусе с шинкованным зеленым лучком, а вдобавок – бульон из бычьего хвоста, такой ароматный, пряный и наваристый, что превратившийся в желе костный мозг пристаёт к нёбу. Как-то раз он отведал эти блюда во время праздничного застолья. Впрочем, миражи были не столь сильны и соблазнительны, как другие воспоминания, которые захлестнули его.

Перед глазами промелькнул день, когда он впервые увидел Суни, идущую в долину под руку с сестрами на поиски побегов папоротника и соцветий полыни. Ей тогда было 13 лет, ему – 15.

А вот Суни, наряженная в зеленый жакет и красную юбку, целиком расшитые по шелку цветами. На голове – украшенная камнями наколка. Весь наряд – обязательные атрибуты во

время придворных выходов принцесс. Обычным же людям дозволялось надевать такое самое большее раз в жизни, по случаю свадьбы. Брак был столь священным для богов и людей, что даже дочери скромного крестьянина-арендатора, рожденной и прожившей всю жизнь в окружении тканей из белой пеньки, нетронутой красителями, дозволялось, пускай на один день, вообразить себя самой почтенной особой. Он же был облачен в официальный костюм императорского министра: голубой халат с поясом и шляпу из вороного конского волоса. Односельчане отпускали громкие шуточки в его адрес. «Глянь, как он смотрит на невесту! По нему сразу видно, что этой ночью ему будет не до сна!» Прекрасная Суни не поднимала взора от земли, даже когда переходила с места на место. К девушке по обе стороны приставили двух дам, которые поддерживали ее, пока она мелкими шажочками передвигалась под спудом тяжелых одеяний. Молодых поставили лицом к лицу перед алтарем. Они по очереди попотчевали друг друга вином из чаши. И теперь он и она оказались связаны друг с другом на веки вечные.

Наступила ночь, и их наконец оставили наедине друг с другом у супружеского ложа. Он осторожно размотал множество пластов шелка, составлявших роскошное одеяние, в котором многие поколения невест из их деревни сочетались браком. Суни изменила обычная беззаботность, она стояла перед ним совсем смущенная. Да и он сам чувствовал необычайное волнение. Но вот свеча была погашена, он обхватил ее гладкие плечи, целуя кожу цвета ясной луны, а она обвила его талию ногами и приподняла бедра, отдаваясь его ласкам. Он почувствовал ошеломление, а затем благодарность, ведь она хотела его так же, как он желал ее. Никогда он не мог бы представить себе, сколь всеобъемлющим будет счастье от их единства. Это ощущение было абсолютной противоположностью эмоций, которые переполняли его среди горных вершин – наивысшего счастья в его представлении до той минуты. Если в горах его сопровождало упоение от высоты, прохлады и одиночества, то теперь он испытал экстаз глубины, тепла и единения. Он обнял ее, а она спрятала голову в укромный уголок, который образовался между его плечом и грудью.

– Счастлива ли ты? – спросил он.

– Хотела бы я, чтобы мы так и остались здесь до самого конца, – прошептала она. – Мне так радостно. У меня не возникло бы ни малейших сожалений, если бы смерть пришла за мной прямо сейчас. Я бы даже не разлилась на нее.

– Я тоже, – откликнулся он. – Я чувствую то же самое.

Охотник ощутил, как он проваливается в водоворот нежных, смутных воспоминаний. Как же приятно было на мгновение оторваться от реальности и побыть в окружении теней прошлого. К чему бояться медленного расставания с жизнью? Это все равно что пересечь порог мира грез. Охотник прикрыл глаза. Он почти что видел, как Суни выходит к нему и ласково зовет его:

– Милый мой муженек, я тебя заждалась совсем. Возвращайся домой.

– Почему ты оставила меня одного? – ответил он на зов. – Знаешь ли ты, как тяжело мне пришлось?

– Я всегда была с вами, – молвила бесхитростно Суни. – С тобой и детьми.

– Я хочу последовать за тобой, – сказал он в ожидании, что она его заберет с собой.

– Нет, еще не время, – проговорила она.

Его глаза широко распахнулись. Он понял, что услышал что-то наяву. Мягкое дыхание, которое раздавалось со стороны обрыва, где плотным облачком, как пары фимиама, собрался морозный туман. Охотник инстинктивно вздернул лук, заведомо зная: даже если он подстрелит зверя, все равно есть вероятность, что он не переживет спуск с горы. Сейчас ему просто хотелось избежать участи послужить трапезой для леопарда.

Он скорее почувствовал, чем увидел, как леопард взбирается по склону. Силуэт животного прорезал темную мглу. Охотнику оставалось только вздохнуть и опустить оружие, когда он увидел, кто направлялся ему навстречу.

Это был никакой не леопард, а тигренок.

Зверь от носа до кисточки на хвосте был такой же длины, как расстояние между широко распахнутыми в разные стороны руками охотника. Тигренок уже вымахал как раз размером со взрослого леопарда. Для тигренка он уже был крупноват, но явно еще был слишком молодой для самостоятельной охоты. Тигр с любопытством уставился на охотника, поддергивая полукруглыми ушками, покрытыми белой шерстью. В его спокойных желтых зрачках не читались ни угроза, ни ужас. Тигренок определенно видел человека впервые в жизни и выглядел слегка озадаченным появившимся перед ним странным наваждением. Охотник покрепче вцепился в лук. Человека осенила мысль, что и он впервые видит тигра в пределах досягаемости стрелы.

Тигры, преследуемые японцами на каждом холме и в каждой долине, были вынуждены удалиться в самые дикие горные местности, куда не ступала нога человека. Подскочили цены на их шкуры, кости и даже мясо, не представлявшее прежде особой ценности. Мясо тигра теперь считалось изысканным деликатесом на столах у богатых японцев. Те были уверены, что поедание плоти тигра вселяет в человека доблесть зверя. Было принято устраивать банкеты для обвешанных эполетами и медалями офицеров и разодетых в платья по европейской моде дам высшего света. В вихре смен блюд гости кусочек за кусочком поедали целые тигриные туши.

Один подстреленный зверь – и он сможет закупиться провиантом на три года вперед. Может быть, даже еще останется денег на участок земли. Он купит своим детям безопасность и покой.

Но ветер, воющий у него в ухе, заставил опустить лук и стрелу. *Никогда не убивай тигра, если только тот не решил убить тебя первым.*

Человек встал, чем заставил тигренка отступить назад, подобно испуганному деревенскому псу. Зверь даже не успел растаять в тумане, как охотник развернулся и начал, продираясь сквозь плотную пелену снега, спуск с горы. Прошло всего несколько часов, а снег уже доходил ему до икр. Чувство глухой пустоты внутри, от которой походка была легче, теперь с каждым шагом тянуло его ближе к земле. Дрожащие деревья окутали серовато-бледные сумерки. Охотник обратился с молитвой к божеству горы. «Я не тронул твоего зрителя. Дозволь же мне дойти до подножия».

С наступлением ночи метель прекратилась. Он добрался до середины горы, когда ноги отказали ему, и он сел на колени в снег. Охотник оказался, подобно зверям, которых он привык преследовать, на четвереньках. Когда и локти обессилели, ему оставалось только зарыться под покров белой пыли, притягательно мерцающей в лучах лунного света. Напоследок ему подумалось: «Надо бы повернуться лицом к небу». Так он и сделал, тяжело перевалившись на спину. Месяц встретил его мягкой улыбкой. Это было наивысшее милосердие, которое ему могла даровать природа.

* * *

– Мы ходим кругами, – заявил капитан Ямада Гэндзо. Спутники, столпившиеся вокруг него, выглядели перепуганными. Не только потому, что его слова были чистой правдой, но и потому, что Ямада осмелился озвучить их несчастное положение в присутствии начальника.

– У деревьев с этой стороны более густая растительность. Значит, юг – вон там. Но мы идем в прямо противоположном направлении уже битый час! – воскликнул Ямада, едва скрывая раздражение. Офицеру едва исполнился 21 год, но он уже вел себя как человек, привыкший отдавать приказы и высказывать мнения, которым никто не смел перечить. В этом читались замашки, присущие наследнику влиятельной и могущественной семьи. Семейство Ямада было ветвью древнего клана самураев, а отец капитана – барон Ямада² – был близким другом

² В восточных странах принято обращаться к лицам по фамилии с добавлением должности, титула или официального

самого генерал-губернатора Кореи Хасэгавы³. Сыновей и Хасэгавы и Ямады обучали гувернеры-англичане. Прежде чем поступить на службу, Гэндзо успел вместе с кузеном из рода Хасэгава побывать и в Европе и в Америке. Капитаном он оказался в относительно юном возрасте. Даже вышестоящий по рангу майор Хаяси старался осторожничать в присутствии подчиненного.

– Нельзя продолжать топтаться так на одном месте, ваше благородие. – Капитан Ямада наконец обратился напрямую к майору. Вся остальная компания – четверо сержантов, начальник местной полиции Фукуда, два его подчиненных и их проводник-кореец – остановила движение.

– Что же, на ваш взгляд, нам следует делать, капитан? – Майор Хаяси задал вопрос с нарочитой медлительностью, словно они находились все еще в тепле барака, а не посреди заснеженных гор, на которые стремительно надвигалась ночь.

– С минуты на минуту стемнеет, и если уж мы сбились с дороги при свете дня, то ночью мы тем более ее не найдем. Надо разбить лагерь на ночь. Главное сейчас – не замерзнуть насмерть. Мы сможем спуститься с гор с первыми лучами солнца.

Компания притихла, с трепетом ожидая ответ майора Хаяси. Тот никогда не терял самообладание перед лицом дерзости капитана Ямады. Однако на этот раз, когда они оказались в столь проблематичном положении, зарождавшийся конфликт грозил завершиться мятежом. Майор Хаяси удостоил подчиненного взглядом, полным холодного безразличия. Таким взором прицениваются к паре новых сапог или обдумывают, как содрать шкурку с кролика. Несмотря на свойственные ему грубость и брутальность, Хаяси не был из той породы людей, которые склонны к произвольным вспышкам ярости. Наконец он повернулся к одному из сержантов и распорядился начать устраивать ночлег. Мужчины, заметно успокоенные этим, разошлись в разные стороны в поисках дров для костра или чего-то другого, чем можно было поживиться в морозную слякоть.

– Не ты... Ты остаешься здесь, со мной, – бросил майор Хаяси в спину попытавшемуся было поспешно удалиться корейскому проводнику, робкому созданию по имени Пэк. – Или ты думаешь, что я дам тебе так просто уйти от меня?

Пэку оставалось только заламывать руки и скулить, глядя на свои ноги, закутанные в тряпки и упрятанные в размокшие кожаные ботинки.

Вскоре после назначения в префектуру майор Хаяси поинтересовался у начальника полиции Фукуды, где можно было бы поохотиться на дикого зверя. Фукуда, вооруженный детально проработанными докладами и информацией о каждом корейце, который проживал в радиусе 80 километров от него, порекомендовал трех местных людей, которые должны были отлично справиться с сопровождением группы охотников. Двое из проводников занимались выращиванием картофеля и слыли дикарями даже по корейским меркам. Люди этого толка обычно не спускались со своих нагорий, где они спаривались друг с дружкой и питались тем, что им давала земля. С окружающим миром они пересекались лишь пару-тройку раз за год, в базарные дни. Эта парочка знала каждую веточку и каждый камушек в этих горах. Но только Пэк – развезжий торговец шелком – говорил по-японски. И к всеобщему сожалению, в особенности самого Пэка, майор Хаяси видел в этом его большее преимущество в качестве проводника.

обращения. Сохраняем этот обычай по тексту.

³ Граф Хасэгава Ёсимити (1850–1924) – маршал Императорской армии Японии, генерал-губернатор Кореи (1916–1919).

* * *

Бородатый мужчина, лежащий на заснеженном склоне, лицом к луне – этот образ будет маячить в памяти у капитана Ямады до самой последней минуты его жизни. Не успел Ямада и на пять метров продвинуться вглубь леса в поисках хвороста, как он чуть не споткнулся о распластанное на белом покрове тело. Оправившись от первого шока, капитан Ямада подивился больше всего тому, как спокойно возлежал мужчина: спина – к земле, руки – поверх сердца. Словно он и не замерз насмерть, а просто уснул, умиротворенный мигмом наивысшего упоения. Не меньшее удивление произвело на офицера и то, насколько бедно и легко был одет щедушный человек. Стеганая курточка была столь хлипкой, что под тканью невооруженным взглядом просматривались острые углы ключиц.

Капитан Ямада описал круг вокруг тела. Затем – к чему, он и сам себе не мог объяснить впоследствии, – он опустил ухо, пока оно не замерло над посиневшим лицом.

– Эй... Эй! Очнись! – заорал он, осознав, что из ноздрей мужчины еще вырываются легкие порывы воздуха. Когда ответа не последовало, капитан Ямада взялся за лицо человека и легко шлепнул его по щекам ладонями. Мужчина начал еле слышно стонать.

Капитан Ямада уложил голову лежащего обратно на снег. У него не было ни единой причины желать прийти на помощь какому-то *тёсэндзину*⁴, а тем более этому полумертвому тупому корейскому бревну, больше походившему на паразита, чем на полноценного человека. Капитан Ямада двинулся было обратно в лагерь, но через несколько шагов, сам не зная почему, вернулся назад к страждущему. Сердце человека напоминает временами беспросветную чашу, в которой скрывается не одна тайна. И такими бывают сердца даже настолько трезвых и рациональных людей, как Ямада. Он с легкостью подобрал *тёсэндзина* на руки, будто тот был ребенком.

– Что за чертовщина? – гаркнул майор Хаяси, когда капитан вернулся со своей ношей в лагерь.

– Нашел его в лесу, – сообщил Ямада, укладывая человека на землю.

– К чему тебе вдруг понадобился мертвый *тёсэндзин*? Если ты только не вздумал использовать труп вместо дров... Но это совсем дурная затея – костер получится никудышный, носи его обратно туда, откуда взял.

– Он еще живой. Похоже, охотился в этих местах в одиночку. А значит, он хорошо знает эти места. Вполне возможно, что у него получится отыскать дорогу обратно на равнину, – сдержанно заметил капитан Ямада. Плохо прикрытый подкол за мягкосердечность он пропустил мимо ушей. Ведь то, что в репертуаре мотивов и эмоций Ямады не было места снисхождению, было отлично известно обоим офицерам.

Вернулись и остальные члены экспедиции. Капитан Ямада приказал Пэку переложить лежащего в беспомощности соотечественника поближе к костру и кричать ему в ухо по-корейски. Когда мужчина начал приходить в себя, Пэк, улыбаясь во весь рот, как умалишенный, позвал всех к огню.

– Господин! Господин! Он вернулся к жизни!

Капитан Ямада повелел Пэку накормить человека хлебцами и сушеной хурмой из собственных запасов.

⁴ *Тёсэндзин* – «кореец» (яп.). Несмотря на то, что слово обозначает жителей Кореи, сейчас не принято так называть выходцев из страны. Среди корейцев, в частности, распространено мнение, что это пренебрежительное по отношению к ним обозначение.

– Только дай хлебцам слегка отмокнуть в снегу. А то он подавится ими, – посоветовал капитан Ямада. Пэк все исполнил, как велели. Он уложил голову мужчины себе на колени и приговаривал что-то успокаивающее по-корейски.

– Они знакомы друг с другом? – осведомился майор Хаяси во время ужина, который состоял из промерзлых *онигири*⁵ и небольшой порции маринованных слив. У компании с собой даже оказалась бутылочка *sake*, которую вдруг повеселевшие и подобревшие сержанты теперь передавали по кругу.

– Кажется, нет. Пэк вроде бы не признал его, – сказал капитан Ямада. Мужчина был неизвестен и начальнику полиции Фукуде. А вот один из его помощников предположил, что это может быть крестьянин-арендатор по имени Нам. Тот выделялся на фоне остальных обездоленных местных крестьян только тем, что когда-то служил в вооруженных силах Корейской империи. Этот факт и привлек к нему внимание стражей порядка.

– Опасный, получается, малый. Гадюка... – заметил майор Хаяси.

– И гадюка может оказаться полезной. На мой взгляд, стоит сохранить его жизнь хотя бы еще на одну ночь. Вдруг поутру он сможет вывести нас с этой проклятой горы, – отсек с неизменным спокойствием капитан Ямада. Пресытившись всего несколькими хлебцами и одной сушеной хурмой, он начал готовиться к первому караулу.

* * *

Утро наступило без рассвета. В сероватом сиянии нового дня перед ними вновь возник лес. В отсутствие солнца плотная завеса теней придавала окружающему миру ощущение полноты невесомости. Деревья, камни, снежные глыбы – все казалось сотканным из воздушной серебристой пряжи. Они оказались в некоем безвременье, мире, потерявшемся среди других миров.

По пробуждении в такое утро капитану Ямаде сначала показалось, что он еще грезит. В голову пришла успокаивающая мысль, что в следующий раз, когда откроются его глаза, он обнаружит себя в тепле и уюте собственной постели. Но уже в следующий момент его осенило, где именно он находился, и от разочарования у него скрутило живот. Но и по натуре, и по воспитанию он был приучен ценить глас разума и воспринимать с недоверием всполохи чувств. К любви и даже дружбе он относился с презрением, причисляя их к заблуждениям, достойным лишь низших классов – женщин и мужчин, непригодных считаться представителями сильного пола. Главную проблему с эмоциями он видел в том, что это реакции на внешние стимулы, а не проявления собственной воли и сознательного мышления. Посему Ямада отчитал самого себя за то, что позволил жалостливые мысли, и поспешил сбросить с себя одеяло.

Ямада встал и вышел справить нужду. И за этим занятием он обнаружил в считанных метрах от места, где он спал, следы огромных лап, намотавших не один круг вокруг лагеря. Ямада разбудил Пэка и охотника, которые спали в обнимку, чтобы не замерзнуть. При одном упоминании следов Пэк сразу же вскочил и начал что-то лихорадочно втолковывать на корейском охотнику. Тот, несмотря на слабый и болезненный вид, сохранил взгляд, необычайно пронзительный для человека, который чуть не умер прошлой ночью. Охотник что-то прошептал, и Пэк помог ему подняться.

– Что он говорит? – спросил капитан Ямада, наблюдая, как охотник осматривает следы и бурчит что-то по-корейски.

⁵ *Онигири* – традиционное японское блюдо: пресный рис, слепленный в виде треугольника или шара; зачастую дополняется начинкой и заворачивается в сушеные водоросли.

– Утверждает, что это почти наверняка тигр. Нет другого зверя, который оставлял бы после себя следы размером с крышку котелка. Это известно всем, – пояснил Пэк. – А теперь говорит, что нам нужно уходить. Прямо сейчас. Тигр всю ночь нас прождал, и он не в духе.

– Как это получилось, что никто из караульных не заметил тигра? – поинтересовался капитан Ямада голосом, полным досады на тех, кто сменил его на посту. Пэк передал вопрос охотнику и перевел ответ:

– Говорит, что тигр не захотел, чтобы его увидели. Тигры показывают себя человеку только тогда, когда они хотят быть увиденными. И ни секундой раньше. Мы у них дома. Это их земля. Нам лучше всего обратиться отсюда подобра-поздорову.

– Чепуха! Если эта зверюга предстанет передо мной, пока мы будем спускаться с горы, то я разделаюсь с ней! А шкуру и мясо преподнесу генерал-губернатору, – заявил капитан Ямада. – Трусливые *тёсэндзины*! Вам неведома храбрость.

Пэк лишь низко опустил голову в знак согласия. Однако никакие слова не могли отменить факт, очевидный для всех, в особенности для капитана Ямады: чем раньше они начали бы спуск с горы, тем лучше было бы для них всех. Охотник шел впереди, демонстрируя поразительную ловкость с учетом того, что единственное, чем он перекусил за последнее время, была небольшая порция рисовых сухарей вперемешку с водорослями и соленьями. Судя по всему, он привык довольствоваться скудным пайком. Капитан Ямада конфисковал лук и стрелы у охотника, но тот, похоже, воспринял это как само собой разумеющееся, без каких-либо проявлений обиды или доводов в свою защиту, и теперь быстро скользил между деревьями.

– Если вздумает убежать от нас – сразу стреляй, – отдал распоряжение майор Хаяси.

– Есть, господин майор, – ответил капитан.

Солнце так и не сподобилось явить свой лик в этот тускловатый день, но окружающий мир и без очевидного источника света сам по себе становился ярче. Ветер колот им кожу бесчисленными остриями невидимых ледышек, ставшими лишь более беспощадными и студенными за прошедшую ночь. От каждого шага в снегу оставались глубокие провалы. Охотник периодически бросал на них обеспокоенный взгляд. Он что-то сказал Пэку, который передал сообщение капитану Ямаде.

– Он просит нас поторопиться, – умоляющим голосом проговорил Пэк. – Он уверен, что тигр следует за нами по пятам и скоро нас настигнет.

– Все вы *тёсэндзины* – жалкие, малодушные черви сплошь и рядом, – пренебрежительно заявил капитан Ямада. – Скажи ему, что мы вооружены не луками и стрелами, а огнестрельным оружием. Офицеры Императорской армии Японии не бегут от зверей. Мы охотимся на них.

Притихший Пэк прошмыгнул обратно на свое место в их черед, за охотником. Остальные улыбками и кивками поддержали мнение капитана и начали хвастаться о многочисленных вылазках на охоту и несметном множестве животных, которых им удалось завалить после прибытия в Чосон⁶: детенышах снежного барса с прохладными, как лед, голубыми глазами, черных медведях с белым полумесяцем на груди, многочисленных оленях и волках. Впрочем, никто не мог заявить, что когда-либо и где-либо охотился на тигров, которые, вопреки повсеместному распространению, считались хитрейшими из всех тварей.

С течением времени похвальба сменилась молчанием. Лишенные возможности наблюдать передвижение солнца по небосклону, они могли догадаться об истекшем времени по обостряющемуся чувству голода и нарастающему отчаянию. Никто из них не планировал провести почти целый день в неизвестности. После не особенно роскошного ужина практически все участники процессии покончили со своими запасами съестного еще за завтраком. Долго они шли онемевшим маршем, пока охотник вдруг не остановился как вкопанный. Поднятая

⁶ Чосон – обозначение корейского государства, существовавшего с 1392 по 1897 год. В данном случае наименование работает как устоявшееся обозначение Кореи как таковой.

вверх рука призывала остальных последовать его примеру. Охотник указал в сторону дерева, все еще слегка покачивающегося и разбрасывающего вокруг россыпи снега, хрупкого и белого, как брызги влаги, поднимаемые морской волной.

– Что стряслось? – спросил капитан Ямада у Пэка. Но прежде, чем тот успел что-либо ответить, до их ушей донесся пугающий своей глубиной звук, напоминающий раскаты грома в сезон затяжных дождей. Они ощутили на себе пристальный взгляд, в котором ощущалась неизъяснимая властность. Взор исходил от мелькающего ковра ядовито-рыжих и аспидно-черных полосок, который промелькнул меж деревьев прямо перед ними, в какой-то паре десятков метров. Тень без всякого стеснения созерцала их, замерев на месте. Лишь изредка слегка вздымалась лохматая грива, подернутая инеем. Посреди окружающей их бездвижной белизны тем ярче мерцали живым огнем желтые глаза с черными как уголь зрачками.

В следующий миг солдаты уже вздернули винтовки и все как один нацелились на тигра, который так и остался стоять, как статуя. По кивку Ямады офицеры выпустили первый град пуль, который сверкающим потоком хлынул прочь от скопища людей. Спровоцированный выстрелами тигр рванул вперед и двинулся прямо в их направлении. Казалось, что он парит в воздухе. Считанные метры до вмерзших в землю солдат он преодолел в мгновение ока. Капитан Ямада ощутил, как похолодело его сердце. Но тут кто-то проскочил перед ним. Это был охотник. Тот задрал обе руки в воздух и прокричал:

– Не надо! – Голос огласил опушку леса, потревожив деревья. – Нет!

Тигр, не замедляясь, сделал рывок в сторону и полетел в направлении кричащего.

– Нет! Нет! – все повторял охотник, пока тигр не остановился в метре от него. Зверь смерил человека желтыми глазами и вдруг развернулся, удаляясь столь же быстро, как появился. Когда солдаты возобновили стрельбу, тигр уже успел скрыться в чаще, помечая путь алой кровью, которой был обгажен каждый след левой задней лапы.

– Чего вылупились? – завопил майор Хаяси. – Руки в ноги, быстро за ним! Далеко от нас он не уйдет. Прикончим его до заката.

Охотник что-то быстро проговорил Пэку. Престарелый торговец взмолился:

– Этот человек считает, что нам следует оставить тигра в покое. Раненый тигр гораздо опаснее здорового. К тому же тигры крайне злопамятны. Они помнят все причиненное им зло и все сделанное им добро. Раненый тигр будет действовать на поражение. Даже если мы убьем тигра, то мы уже не сойдем с горы. Еще одну ночь здесь мы не переживем. Сегодня более холодный день, чем накануне... Так говорит этот человек, господин.

Майор Хаяси окинул взглядом подчиненных. Деморализованные солдаты явно не хотели преследовать и загонять в горы огромного зверя, которого даже рана не остановила.

На счету Хаяси были не только охотничьи экспедиции, но и вылазки на поле боя, последние – совсем недавно, в Маньчжурии ⁷, против русских. А также, само собой разумеется, усмирение волнений и подавление бунтов в Корее. Хаяси никогда не отказывался вступить в бой и никогда не обращался в бегство. Но не от переизбытка храбрости, которую он считал равнозначной безрассудству. Нет, единственное, во что он верил, – это успех. Кровожадность Хаяси лишь косвенно служила удовлетворению его собственных желаний. В первую очередь она позволяла ему обеспечивать собственное превосходство среди товарищей и устрашать нижестоящих. А поскольку для Хаяси успех был связан исключительно с соображениями практической целесообразности, а не проявлениями благородства духа, он отдал предпочтение тому варианту действия, который бы принес ему максимальную выгоду, и приказал корейшке-охотнику вести их прочь с гор.

⁷ *Маньчжурия* – историческое наименование региона, который соответствует современным провинциям Ляонин, Хэйлунцзян и Цилинь на северо-востоке Китая.

Но все время по пути вниз с возвышенности и вдаль от подстреленного зверя они будто ощущали у себя на затылках пронизывающий взгляд тех желтых глаз. Наконец они вышли на тропинку, которая виднелась даже под плотным слоем снега. Несколькими часами позже они вышли из зарослей, и их взору открылась долина, посреди которой раскинулась дереvушка. Укрытые соломой крыши домиков светились янтарным светом в долгожданных лучах солнца, которое наконец выглянуло сквозь пелену облаков ближе к линии горизонта.

Не будь они офицерами, то от нахлынувшей волны радости мужчины тотчас устремились бы вниз по припорошенному снегом скользкому склону, как беззаботные мальчишки. Но присутствие командира принуждало к сдержанности, так что они просто зашагали чуточку быстрее. На спуск по холму ушло еще полчаса. В конечном счете они добрались до границы, которая отделяла крестьянские наделы от девственной природы. Брошенные поля, прикрытые снежным покрывалом, были испещрены узорами от следов детишек и птичек.

Майор Хаяси распорядился организовать ночевку и переговорил о чем-то с Фукудой – угодливым и в обычную пору явно ненасытным господином, которому несколько дней невзгод временно придали изможденный вид. Остальные офицеры побросали свои манатки и, обмениваясь беспечными фразами, пошли на перекур. Они уже позабыли недавно испытанный ужас. Теперь их заботила только приятная перспектива согреться пищей и пламенем, а заодно посмеяться над тем, что приключилось с ними.

– Ты, – позвал капитан Ямада охотника, который, поняв, что обращаются к нему, сделал осторожный шаг в сторону Пэка. – Твое имя.

– Меня звать Нам Кёнсу, – ответил охотник на ломаном японском.

– Ты служил в Императорской армии Кореи?

Пэк перевел вопрос. Нам кивнул.

– Известно ли тебе, что *тёсэндзинам* запрещено владеть каким-либо оружием? Я вправе тебя арестовать прямо сейчас.

Поникший Пэк шепотом перевел сказанное Наму, который лишь спокойно взирал на Ямаду, не отводя взгляда. Офицер в ответ нахмурился. Двое мужчин разительно отличались друг от друга. Один – пышущий здоровьем и энергией даже после трех дней блужданий по лесам красавец, облаченный в офицерскую форму и отороченную мехом шапку, второй – невысокий мужичок, черты лица которого скрывались в длинных тенях выпирающих скул и в черных волосах которого преобладала седина. Не столько человек, сколько познавший многие лета, многие бури и многие удары судьбы кремень.

Но вопреки разнице между ними Ямада увидел что-то особенное, промелькнувшее в глазах мужчины. Воюющие по разные стороны линии фронта солдаты чаще всего отличаются поразительным сходством. У них больше общего друг с другом, чем с сидящими в тылу мирными согражданами. За неказистым обликом охотника скрывался человек, который был готов убивать врагов и вставать на защиту союзников. А это Ямада уважал превыше всего.

– Оружие твое я конфискую. И лично приду за тобой, если узнаю, что ты снова вздумал охотиться. Считай это благодарностью за то, что ты нас вывел с гор.

Пэк передал слова командира, отвесив глубокий поклон молодому капитану за милость. Ямада коротко кивнул, подтверждая свою мысль. Нам, на мгновение задержав взгляд на офицере, отвел глаза в сторону.

– Эй, Пэк! – позвал майор Хаяси.

Старый торговец засеменил вперед:

– Слушаю, господин.

– Осел, ты понимаешь, что мы заплутали из-за тебя? – молвил почти скупающим тоном майор Хаяси.

Пэк сжался. Его голова замерла в низком поклоне.

– Прошу простить меня, господин. Снег скрыл из виду все тропинки. Было невозможно разглядеть дорогу. Я многие сотни раз поднимался и спускался по этим горам, но все же...

– Ты не только испоганил нам охоту, но и чуть не погубил нас, – продолжил майор Хаяси. – Беги. И горе тебе, если ты промедлишь.

Пэк, весь трепеща и не поднимая головы, круто повернулся и понесся так быстро, как ему позволяло немощное тело. Когда престарелый торговец почти что преодолел рисовое поле, майор Хаяси вскинул винтовку. Один выстрел.

И Пэк, широко распахнув руки, повалился на землю, словно споткнулся о камушек. Никакого звука он не издал. Или, может быть, он слишком долго бежал, и его последний вздох замерз на лету. Струи крови медленно растеклись от середины спины Пэка, просачиваясь сквозь его наполненный шелком тюр.

– Что скажете, Фукуда? Теперь нам удалось немного наверстать упущенную забаву? – полюбопытствовал майор Хаяси. Фукуда подобострастно поддакнул. – Что же касается этого Нама, то я препоручаю его вам. Он же в вашей юрисдикции.

– Ну конечно же, разберемся с ним честь по чести. Его пример будет в назидание остальным, – поспешил заверить Фукуда. – Никто из местных не осмелится даже взяться за оружие после того, что мы сделаем с ним.

– Полагаю, что вам не стоит суетиться на этот счет, начальник Фукуда, – высказался капитан Ямада, подходя к товарищам. – Этот корейшка все-таки вывел нас из неприятного положения. Без него мы бы не спустились с горы.

– Полагаю, с него достаточно того, что вы спасли ему жизнь. А вот на то, что он промышлял браконьерством, закрывать глаза никак нельзя. Весы правосудия склоняются не в его сторону, – заметил Фукуда, губы которого тронула улыбка. Он был в восторге от собственного остроумия.

– Он нас спас не только от гор, но и от тигра, – отметил с прохладцей в голосе Ямада. – Сдается мне, что этим он вновь привел весы правосудия в равновесие. – Он перевел взгляд с Фукуды на майора Хаяси, а затем снова посмотрел на Фукуду. – Я вообще не питаю симпатии к мерзопакостным людишкам, обитающим в этих краях. На поле боя я положил предостаточно их сородичей. Но если вы осмелитесь хоть пальцем тронуть этого человека, то будете вечно в долгу перед ним, а нет большего позора, чем быть в долгу перед человеком, который вас недогаживает. Вы вольны делать, что хотите, но он спас и мою жизнь, а допустить запятнать стыдом себя я не могу. Отпустите его.

– Капитан, вы как-то много себе позволяете. – Фукуда побагровел от негодования и бросил взгляд на майора Хаяси в надежде на его поддержку.

Лицо Хаяси абсолютно ничего не выражало. В такие моменты с ним было опаснее всего иметь дело. Наконец, он провел языком по губам – лукавая повадка истинного змея.

– Не к чему истреблять сразу всех *тёсэндинов*, которым знакомы эти места. И он, в отличие от никчемного дряхлого Пэка, оказался действительно полезным, – огласил Хаяси.

Фукуда незамедлительно сдался, и командиры отправились в полицейский участок.

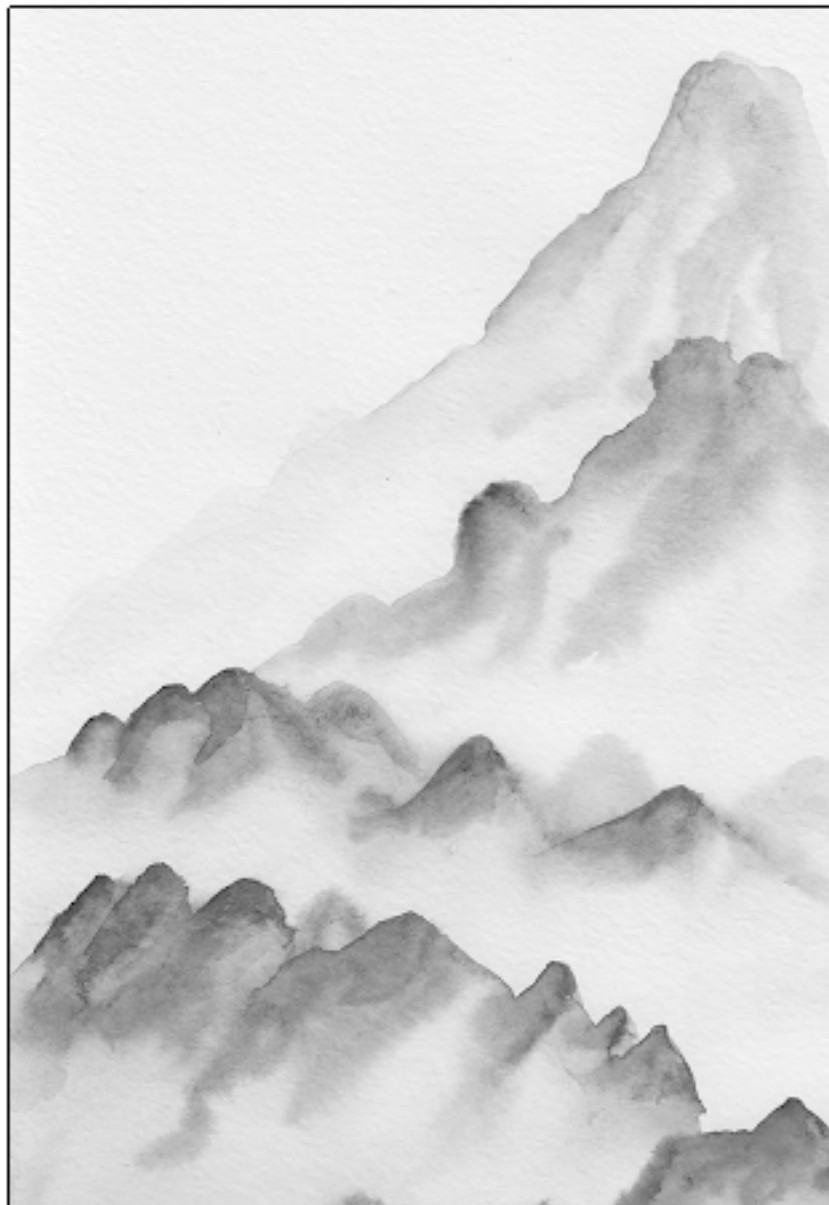
Уверившись, что никто за ним не наблюдает, Ямада выдохнул с искренним облегчением. По жизни он не привык желать чего-либо для других и от других, и в глубине души это всегда приносило ему чувство удовлетворенности. Он ощущал цельность в собственной независимости, не искал тепла прикосновения своей матери – безмятежно изящной дамы с холодными белоснежными ручками – или жара любви женщины. Однако перспектива потерять лицо из-за откровенного скотства Фукуды тронула сердце Ямады куда больше, чем он сам мог бы ожидать от себя. Его раздражало чувство вовлеченности в судьбу другого человека. Чем менее он был уверен в безопасности Нама, тем дольше было суждено сохраниться этой неожиданной привязанности. Посему Ямада взял Нама под руку и отвел его в сторону. Охотник все это время

стоял в безмолвном оцепенении и взирал на распластанного на земле вдалеке Пэка. Возбужденно раскаркавшиеся вороны уже обступили тело.

– Найди меня, если тебе что-то будет угрожать, – тихо произнес Ямада, чтобы никто, кроме охотника, его не расслышал. – Мое имя – Ямада Гэндзо.

Нам взглянул на капитана. Сомневаясь, что охотник его понял, Ямада вытащил из внутреннего кармана пальто серебряный портсигар и вложил его в руку Нама. Ямада провел пальцем по краю футляра, где было выгравировано его имя. И только после этого вернулся к товарищам-офицерам. Теперь, когда судьба Нама уже была решена, хотя бы на время, никто не обратил внимания, когда тот, ковыляя, удалился восвояси.

Том I 1918–1919 годы

Глава 1 Тайные послания 1918 год

В день, колеблющийся на грани между зимой и весной, когда сверкание льда только предвещает наступление тепла, женщина и девочка вместе преодолели пятнадцать километров по сельской дороге, по обочинам которой уже поднялись первые зеленые побеги, нежные, как реснички. Пара отправилась в путь еще до рассвета и не останавливалась, пока не добралась до обнесенного стеной особняка в Пхеньяне.

Женщина глубоко вздохнула и пригладила растрепавшиеся пряди, лезшие в глаза. Она выглядела заметно более неряшливо по сравнению с дочерью, чьи блестящие черные волосы были убраны за уши аккуратными локонами, сплетенными в косу, которая тянулась вниз по спине. Девочку звали Яшмой⁸. С раннего детства, как только она научилась ходить, ее принуждали помогать по дому и присматривать за братьями и младшей сестрой. Зато каждую ночь мать расчесывала и заплетала ей волосы. Мать всегда давала больше еды ее братьям, поскольку они приходились ей сыновьями. Но первая порция всегда причиталась Яшме, поскольку та была старшей. Этим исчерпывались проявления любви, которые Яшма познала в первые десять лет своего существования. И теперь она ясно ощущала, что и эти крохи нежности вот-вот кончатся.

Яшма робко дернула мать за рукав.

– Можно я вернусь с тобой домой? – попросила она. В ее голосе звучали едва сдерживаемые слезы.

– Хватит ныть. Ты не маленькая уже, – ругалась мать. – Послушай меня. Тебе будет дозволено навещать нас на полдня каждую новую луну⁹. Разве ты не хочешь быть в помощь матери и отцу?

Яшма кивнула, вытирая личико красными ручонками, напоминавшими листья осеннего клена. Сознание тяжести судьбы перворожденного ребенка тяжелым грузом лежало на ее маленькой фигурке.

У бокового входа женщин встретила служанка. Их попросили подождать во дворе. С трех сторон мать и дочь обступили несколько покрытых черепицей домиков. От них веяло тем духом неземного совершенства, который всегда сопутствует старинным поместьям. День был безветренным, но Яшму все равно охватил холодный поток воздуха, будто бы исходивший непосредственно от пробудившейся усадьбы. Девочка с легкостью представила себе, что в том месте, где деревянный пол крыльца был натерт и почти что лежал на земле, бесчисленное множество гостей снимало обувь перед тем, как пройти внутрь основного дома. В такие заведения заходят мужчины в поисках удовольствий, утешения или ласк, которые напомнят им о собственной мужественности или, возможно, первой страсти. Яшма была еще совсем юной, но даже в таком возрасте было совершенно очевидно, чего именно могли вождеть навещающие сюда мужчины. В сущности, ими двигал простой мотив: ощутить, что они по-прежнему живы. Единственное, что оставалось за пределами понимания девочки, были скрывающиеся за стенами женщины. Ощущали ли они сами то дыхание жизни, что даровали мужчинам?

Отворилась одна из дверей главного дома, и из нее показалась дама. Та еще не повернулась к ним, а Яшма уже поняла, что перед ней обладательница редкостной красоты. Ее выдавали даже форма спины и в особенности изящное расстояние, на которое затылок вздымался над плечами. Когда же дама повернулась к ним лицом и даже наградила их мимолетной улыбкой, Яшма почувствовала, как тоска тисками сжимает ее изнутри. Незнакомка была наделена не той посредственной женственной красотой, которая вызывает приступы острой зависти у других женщин. Нет, она была носителем той редчайшей прелести, которая привлекала людей к ней, вселяя в них надежду, что, возможно, часть ее великолепия передастся и им. Однако под флером общей благожелательности скрывалась далеко не покладистая натура.

⁸ Образный перевод корейского имени. Автор отдает стилистическое предпочтение именно подобным буквальным переводам имен для отдельных героев произведения. Важно подчеркнуть, что в целом все корейские имена (как и китайские и японские имена) могут иметь такую образность. В частности, фамилия охотника – Нам – переводится буквально как «юг», а фамилия капитана – Ямада – означает буквально «горное поле». Иными словами, во всех случаях за именами скрываются некоторые потенциальные коннотации. Сохраняем все варианты записи имен, которые предпочитает автор, давая комментарии лишь в тех случаях, когда это представляется целесообразным.

⁹ Подразумевается синодический месяц: примерно раз в 29,5 дня.

Женщина, по всей видимости, привыкла играть с зачарованностью людей, давая им основания питать тщетные надежды и затем созерцая, как окружающие трепещут перед ней.

Мать Яшмы, не подверженная чарам красавицы, отвесила той церемонный поклон. Да, они с дочерью были представителями семейства крестьян-арендаторов, которые были вынуждены кормиться тем, что соблаговоляло вырасти на их крохотном участке земли. Но формально они принадлежали к более высокому сословию, чем *кисэн*¹⁰, которые по статусу мало чем отличались от низменного сброда мясников и дубильщиков – людей, зарабатывавших себе на жизнь в грязи.

– Это и есть ваше дитя? – сострадательно поинтересовалась куртизанка. Мать пробурчала в ответ, что подруга их кухни служит в этом доме. Именно она договорилась, что Яшма сможет устроиться сюда на работу в качестве прачки за две *воны* в месяц, кров и питание.

– До нас долго добираться по грязи и снегу, – заметила дама, обращаясь к матери, но при этом не сводя глаз с Яшмы. Затем куртизанка вздохнула, словно распознала нечто досадное, что будет невозможно исправить. Эти тонкие черты, подумалось Яшме, привыкли прицениваться к куда более изящным вещицам, чем ее собственное потрескавшееся от сухости, обветренное личико. То, судя по всему, было столь ниже ожиданий дамы, что вызывало жалость, которую обычно ощущаешь при виде трехногой собаки.

– Тетушка, с искренним сожалением вынуждена сообщить вам, что между нами вышло недопонимание. Мы две недели ничего от вас не слышали. И я подыскала другую девочку, которая уже помогает нам по дому. Но вы все же проделали неблизкий путь. Прошу вас пройти на кухню и перекусить у нас. Отправитесь домой, как немного передохнете, – предложила дама, сокрушенно потрясая красивой головкой, украшенной изящно заплетенным шиньоном.

– Но как же так, госпожа Серебро? Мы даже направляли вам записку о нашем визите. – Мать сложила ладони у груди. На фоне холодной утонченности дамы жест показался Яшме простецким и неподобающим. – Разве вам не пригодится лишний человек? В таком-то большом доме! Наша Яшма хозяйничает с 4 лет. Она точно будет вам в помощь.

– У меня и без нее достаточно помощниц, – нетерпеливо отрезала куртизанка. И все же Яшма продолжала чувствовать на себе любопытный взгляд этого спокойного лица в форме идеального овала. Это был взор женщины, которая удостаивала не каждого ответом и говорила лишь тогда, когда сама хотела что-то сказать.

– Но, если вы на то готовы, я могу взять Яшму в ученицы, – обратилась к матери госпожа Серебро. В ее словах звучала бесповоротная категоричность. – Я вам выплачу 50 *вои*. Служанкой она бы заработала эти деньги за два года. И, конечно, мы предоставим ей комнату, пищу, занятия и одежду. Через несколько лет она сможет приступить к работе. Как только выплатит мне 50 *вои* с процентом, то будет свободна отправлять вам все, что сочтет нужным.

Губы матери сжались в тугую кривую линию.

– Я сюда пришла не продавать дочь в *куртизанки*, – выпалила она, особенно подчеркнув последнее слово вместо того, чтобы сказать то, что хотела: *илюхи*. – Или вы думаете, что я из таких матерей?

– Ваша воля. – Госпожа Серебро не выглядела смущенной, но Яшма отметила, что уголки ее рта тронула едва заметная презрительная улыбка. – В любом случае на кухне вас ждет суп, – бросила дама, собираясь уходить.

– Госпожа, стойте. – Яшма сама удивилась тому, что осмелилась заговорить. Мать хлопнула ее по плечу в надежде приструнить дочь, но Яшма продолжила: – Я готова остаться и стать вашей ученицей... Мама, все в порядке. Я это сделаю.

¹⁰ *Кисэн* – буквально «[женщины,] ведущие жизнь артистки». Также встречается термин *киё* («женщина-артистка»). Близкий аналог японских гейш и китайских «певичек». Как и в случае с гейшами и «певичками», *кисэн* развлекали мужчин, могли оказывать им интимные услуги и тем самым навлекать на себя обвинения в безнравственности, но формально не занимались проституцией.

– Цыц. Ты не понимаешь, о чем идет речь, – шикнула на нее мать. Если бы они были с дочерью с глаза на глаз, то Яшма услышала бы длинный поток непристойностей на тему того, чем занимаются женщины, зарабатывающие на жизнь своими промежностями. В присутствии же госпожи Серебро мать ограничилась тычком Яшмы меж лопаток, выглядевших как сложенные остренькие крылышки так и не оперившейся птички.

Госпожа Серебро улыбнулась, будто бы внимала невысказанным мыслям.

– Да, то, чем мы занимаемся, – дело далеко не для всех. Знаешь ли ты, что именно представляет собой наше занятие?

Зардевшаяся Яшма кивнула. Подруги, чьим сестрам выпало вступить в брак в возрасте 14–15 лет, рассказывали ей, что именно происходит в брачную ночь. По всей видимости, мало-приятное времяпрепровождение, но от одной мысли о нем у нее сводило ляжки. В любом случае тело подсказывало, что не было особой разницы в том, произойдет это действие с одним мужчиной за бесплатно или с множеством мужчин за деньги. По прошествии нескольких лет Яшму все равно бы отдали замуж тому, кто предложил бы за нее большую цену. Например, сельскому врачу, который неустанно подыскивал пару болезненному сынку. Яшма даже ощущала сострадание к молодому человеку, но столь же ясно чувствовала, что любая участь лучше брака с олухом, чьи сжатые в клешни руки были мало пригодны для ласк. Такому мужчине она была бы на самом деле не женой, а сестрой, позже – даже матерью.

Пятьдесят *вон* – это в два раза больше, чем даже доктор был готов отдать за нее. И этих денег ее семье хватило бы надолго: и на небольшой участок от хозяина земли, и на молоденького петушка, и целую кучку здоровеньких курочек в придачу. Им не пришлось бы больше отправляться спать на пустой желудок. Мальчишек можно было бы отправить в школу, а младшей дочке подыскать достойную пару из уважаемой семьи землевладельцев. Но только при одном условии – никому в деревне нельзя было прознать о том, что Яшму продали в куртизанки.

Яшма практически увидела воочию, как проносятся эти образы в помутневших глазах матери, слишком уставших даже для того, чтобы проливать слезы. Госпожа Серебро подалась вперед и взяла мать за руку. Та не отстранилась.

– Поверьте моему опыту. Даже девочка, всю жизнь прожившая в монастыре, может стать куртизанкой, если это ей предначертано судьбой. А зачастую – скорее даже гораздо чаще – бывает наоборот. Если Яшма не предназначена для этого, то она в любом случае отыщет иной удел, даже если вырастет и обучится при *кибане*¹¹. – Мягкая улыбка снова тронула уста госпожи Серебро. – Я вряд ли смогу оказать на ее будущее какое-либо влияние.

* * *

До прибытия в дом к госпоже Серебро Яшма никогда прежде не видела себя в зеркале. Размытые отблески, которые она могла мельком увидеть на металлической поверхности раковин, не могли вселить в нее особую гордыню. У девочки была матовая гладкая кожа желтого оттенка свечного воска. Глаза у нее были небольшими, но очень яркими. Над ними черными крыльями примостились пушистые ресницы. Если бы вы пристально вглядывались в личико Яшмы, то заметили бы, что радужная оболочка ее левого глаза была совсем чуточку смещена от центра наружу. В ее взгляде было что-то рыбе. Губы девочки были пухлыми и красными даже в отсутствие помады. Искреннюю улыбку с небольшим налетом озорства можно было бы назвать очаровательной, если бы не обрамлявшие ее неоспоримо кривые верхние зубы. В облике девочки были и другие особенности, которых у более близкой к совершенству девушки вы бы не обнаружили. В целом же Яшма относилась к той категории только вступающих в

¹¹ *Кибан* – специальное образовательное учреждение для подготовки *кисэн*.

подростковый возраст юных дев, которые зависли ровно посередине между невзрачностью и неотразимостью. Ее это, однако, не беспокоило, особенно в свете того, с какой подозрительностью мать воспринимала красоту как таковую.

С неменьшим сомнением ее мать относилась и к чрезмерной грамотности, которую она считала пороком для девочек. Яшме было дозволено проучиться лишь один год в том сарае, который служил всей деревне школой и в который разом сгоняли учащихся всех возрастов, от 5 до 20 лет. Но даже при таком хаотичном приобщении к знаниям Яшма извлекла из обучения гораздо больше, чем основы арифметики и азы письма, которые мать уже считала излишеством. Благодаря занятиям Яшма перестала воспринимать себя лишь предметом домашнего обихода, ничем не лучше, чем печка или тятка. Просвещение как раздвинуло, так и сузило горизонты девочки. Она была ошарашена собственным чувством неудовлетворенности сложившимся порядком вещей. Собственно, именно в этом и заключается опасность учения. Если бы девочке вздумалось озвучивать во всеулышание все, что витало в ее голове, то мать лупила и щипала бы ее гораздо чаще, чем обычно. При прощании этот страх даже удержал Яшму от слез, которые могли бы вызывать гнев – или удовольствие – матери.

Яшма держалась тихо и кротко, следуя за госпожой Серебро вдоль террасы, опоясывавшей первый этаж дома. Но она явственно чувствовала, как стены тайком взывают к ней. Ее тянуло прикоснуться к колоннам из полувекковых сосен, окрашенных киноварью. Шелковые фонарики под карнизами сопровождали их продвижение вдоль стены импровизированным танцем, в котором причудливо сочетались неподвижность и движение, искусственность и естественность. Эта дурманящая аура царила во всем доме, подумалось Яшме, когда госпожа Серебро ввела ее в коридор. Но явственнее всего это ощущение исходило от самой госпожи Серебро. Яшма ранее не видывала человека, который бы так плавно скользил по жизни, как это получалось у этой дамы. У госпожи Серебро, казалось, напрочь отсутствовали такие низменные части тела, как ножки и пальчики. И все же Яшме также пришла в голову мысль, что никто не был столь ярким воплощением прирожденной женственности, как госпожа Серебро. В улыбках и речи дамы читалась непринужденность человека, рожденного быть олицетворением женской красоты и прекрасно осознающего свою долю. Госпожа Серебро замерла в паре метров впереди от Яшмы и раздвинула ширму со вставками из рисовой бумаги.

– Это аудитория для занятий музыкой, – объявила дама.

Все четыре стены просторного помещения были украшены роскошными полотнами. По одну сторону комнаты дюжина совсем юных воспитанниц разучивала традиционную песенку, вторя нота за нотой куртизанке более почтенного возраста; по другую – девочки в возрасте примерно 11–12 лет упражнялись на *каягыме*¹².

– Девочки, которые поют, – наши первокурсницы. На второй год обучения ты тоже начнешь учиться играть на *каягыме* и бамбуковой флейте¹³, а также на всевозможных барабанах. Это первые два из пяти искусств, которые должна освоить каждая куртизанка: пение и игра на музыкальных инструментах, – пояснила госпожа Серебро. Пока она говорила, одна из певичек, завидев их, вскочила с места и подбежала к ним. Яшма почти что услышала, как недовольно сдвинулись брови у госпожи Серебро.

– Мам, а это кто? – спросила девочка. Яшма постаралась не выдать своего удивления. В округлом лице и ничем не примечательных чертах дочки не наблюдалось хоть какое-то сходство с элегантной матерью.

¹² *Каягым* – многострунный щипковый инструмент из семейства цитр. Аналоги в Китае и Японии – *гучжэн* и *кото* соответственно.

¹³ *Бамбуковая флейта* – подразумевается бамбуковая поперечная флейта *тэгым*.

– Нельзя бросать занятие без разрешения учительницы, – строго заметила госпожа Серебро. Яшме вспомнилась ее собственная мать. Есть ли хоть где-то на земле матери, которые встречают дочерей чем-то, помимо раздражения и возмущения?

– Мы все равно скоро закончим, – упрямо заявила девочка. – Она новенькая? Можно я все ей покажу?

Госпожа Серебро колебалась не дольше минуты, словно перебирая в уме важные дела, более достойные ее времени, и затем резким взмахом руки отправила их продолжать экскурсию по дому. Девочка взяла Яшму под локоток и повела ее дальше по коридору.

– Я Лилия. И спасибо тебе! Ты помогла мне сбежать с урока. – Она хихикнула. – А тебя как зовут?

– Яшма.

– Милое имя, – заявила Лилия, распахивая очередную раздвижную дверь, на этот раз в комнату поменьше, чем первая. По одну сторону помещения девушки рисовали акварели, по другую – упражнялись в каллиграфии. – Мама же тебе рассказывала о пяти искусствах? Вот третье и четвертое: живопись и поэзия... Здесь же нас учат корейскому, японскому и арифметике. Раз в месяц проходят экзамены по всем предметам. Если не сдаешь что-то – заставляют повторять занятия за месяц с самого начала.

– Даже по японскому и арифметике? – тревожно уточнила Яшма.

– Ага, *особенно* по японскому и арифметике, – Лилия подкрепила свои слова важным кивком. – Меня уже долго не переводят на второй год. Но это значит, что мы с тобой будем учиться в одном классе!

Снова захихикав, Лилия устремилась по лестнице на второй этаж. Яшма, сама задыхаясь от еле сдерживаемого смеха, последовала за ней. Лилия втянула Яшму в самую большую аудиторию из всех только что увиденных. Комната была пуста. Щербатый деревянный пол блеснул благодаря усилиям многочисленных пар постоянно натиривших его ног. По стенам висели разноцветные маски и наряды. В уголке аккуратной стопочкой были сложены обтянутые кожей барабаны и другие инструменты.

– А здесь мы изучаем пятое искусство куртизанок: танец. Этому начинают учить со второго года, – сообщила Лилия. – Вот я тебе и показала все наши аудитории. Теперь пойдем, проведу тебя туда, где ты будешь спать.

Спальни учащихся располагались в одноэтажном домике за зданием школы. Когда Лилия и Яшма пересекали двор по пути к комнатам первокурсниц, из кухонного флигеля им навстречу вышла ослепительно-прекрасная девушка. По дорожному одеянию и надменному выражению, с которым незнакомка грызла сладкую ириску, Яшма поняла, что перед ней не служанка. Девушка заметила их и направилась прямо к ним.

– Луна, моя старшая сестра, – шепнула Лилия. В Луне безошибочно угадывалась дочь госпожи Серебро. Старшая дочь походила на мать, как отражение луны в полноводной реке напоминает небесное светило.

– Ты – новенькая, – изрекла Луна, перебирая пальчиками кончик косы, столь же плотный, как кисточка на конце хвоста леопарда. Лицо девушки сияло такой прелестной красотой, что Яшма, потупив глаза, осмеливалась украдкой выхватывать лишь отдельные фрагменты ее облика: вот – носик, вот – ротик.

– Да, я – Яшма, – ответила она, сконфуженно улыбаясь.

Луна разразилась звонким смехом.

– Если бы не зубы, тебя бы можно было назвать даже хорошенькой. Не зубы, а надгробия, – ехидно заметила девушка.

– Все лучше, чем могила вместо мозгов, как у тебя, – сразу же парировала Лилия.

Вспышка ярости не только не омрачила лика Луны, но даже придала ей еще большее сходство с юной принцессой. Несмотря на внешнее подобие с госпожой Серебро, Луна оказа-

лась гораздо живее и беспощаднее матери. В ней не было ни капли благородного великодушия к обездоленным, которым отличалась ее мать.

– У тебя язык без костей. Вот почему тебя никто не любит. Даже мама, – бросила Луна. Лилия бесстрашно выдержала на себе испепеляющий взгляд старшей сестры, пока красавица не соблаговолила покинуть их в знак презрения.

Той ночью Яшма лежала в своей постели и все не могла сомкнуть глаза, мучаясь сомнениями по поводу того, продержится ли она хотя бы месяц в школе, а уж тем более сможет ли она выдержать экзамены и стать куртизанкой. Возможно, если ей это не удалось бы, то госпожа Серебро все же согласилась бы взять ее к себе в услужение. Однако не стоило забывать, что в иерархии этого дома Яшма еще недалеко ушла от служанок, и начало продвижения по карьерной лестнице сразу не задалось: иметь у себя во врагах саму Луну – дурной знак. В любом случае одним из основополагающих постулатов учебы при школе было полное послушание старшим учащимся и куртизанкам. Яшма понимала, что вокруг нее действует великое множество негласных правил и ожиданий, которые исходили от единого бесспорного авторитета, возвышавшегося над всеми и вся, – госпожи Серебро.

Впрочем, Яшма скоро поняла, что директриса школы не воспринимала свой пост как данность. И тем более она не была эфемерным существом, подававшим голос лишь для того, чтобы вещать крылатые банальности. Госпожа Серебро подвергала наказанию как учениц, которые ослушивались куртизанок, так и куртизанок, которые осмеливались предаваться пересудам или утаивать заработанное. Покрывала в пятнах менструальной крови, ненароком стыренная шпилька для волос, горшочек меда, содержимое которого таинственным образом опустошалось ложка за ложкой, – ничто не ускользало из-под пристального внимания владелицы кибана. Даже когда она занималась самыми мелкими проблемами, ее лицо выражало глубоко серьезную отрешенность, которая бы вполне пришлась к месту среди сонма бледнолицых красавиц на картинах XVII века. Яшма видела, что госпожа Серебро во всем поддерживала атмосферу далекой и утонченной древности. То было и свойственно ее натуре, и являлось вполне осознанным решением. Венчавшая голову директрисы корона – сочетание ее собственных волос и искусно подобранного шиньона – придавала бы изрядную долю старомодности, а заодно и громоздкость большинству женщин. На ее же голове это навершие выглядело как ностальгическая отсылка к прошлым временам поэтического восприятия жизни.

В первые месяцы хозяйка редко отмечала добрым словом или вниманием Яшму, к жизни которой проявляла внимание разве что Лилия – далеко не всеобщая любимица. В каждой ссоре между Лилией и Луной госпожа Серебро неизменно принимала сторону старшей дочери. В глазах матери Лилия была созданием, склонным одновременно к лени, скрытности и суетливости. Луна же была непогрешима. Сознание этой истины ни на секунду не останавливало Лилию в упорных и умелых попытках подсиживать сестру. Девочка напоминала кошку, готовящуюся в любой миг атаковать облюбованную ею жертву по ту сторону забора. Но когда она общалась с Яшмой, она сразу же убирала коготки. Лилия могла часами рассуждать о вещах, о которых имела лишь самое отдаленное представление: о последней моде, о слухах из Пхеньяна и Сеула, о разнице между мужчинами и женщинами, о том, что происходило при закрытых дверях, куда их не пускали. Яшма была совершенно ошарашена жгучим интересом новоиспеченной подруги к мужчинам, и не потому, что та была слишком юной, а потому, что она не могла похвастаться какими-либо особыми прелестями. У Лилии была круглая физиономия, весьма типичная для южан и разительно отличавшаяся от деликатного овала лица ее матери – хрестоматийной пхеньянской красавицы. Вплоть до знакомства с Лилией Яшма предполагала, что к чувственным уладам более склонны миловидные женщины и девушки. На поверку оказалось, что это не всегда так.

По мере того как девочки становились ближе, Яшма пришла к мысли, что томление это было не столько странностью, сколько чертой характера подруги. Более того, облик Лилии

перестал казаться ей обыкновенным. Ее внешность скорее интриговала. В равной мере Яшма научилась ценить дар подружки болтать обо всем и вся. В устах той самые обычные вещи представляли как россыпь падающих звезд – неведанные и неизведанные диковины, к которым были приобщены только они вдвоем. Яшма и Лилия идеально дополняли друг друга: одна любила вечно витать в облаках, а другая – постоянно чесать языком. Девочки умудрились найти баланс между этими двумя крайностями. Лилия, ко всему прочему, была наделена особым талантом на шалости. Как-то она, выстроив горку из подушек, добралась до вершины гардероба и, ничуть не смущаясь, сняла оттуда горшочек, в котором госпожа Серебро хранила запасы меда. Яшме оставалось лишь изумленно наблюдать за подругой. И прямо посреди сцены в комнату зашла госпожа Серебро и застучала Лилию с поличным. Но даже принужденная стоять на одной ноге или на коленях с высоко поднятыми над головой руками Лилия скрещивала глаза и высывала язык, как только мать исчезала из виду, чем всегда вызывала смех у Яшмы.

Вскоре после первых ежемесячных экзаменов, которые – даже по японскому – Яшма, вопреки наихудшим опасениям, все-таки сдала, Лилия ответила на вопрос, который Яшма считала нетактичным задавать: почему они с сестрой так сильно непохожи друг на друга?

– Единственный мужчина, которого мама любила, – отец Луны. Они встретились, когда ей было 19 лет. Она все еще носит подаренное им кольцо. У нее было много покровителей, но то серебряное колечко она не снимает уже многие годы, – пояснила Лилия.

Блестящее кольцо попадалось на глаза Яшме и прежде. Украшение было не таким дорогим и изысканным, как другие драгоценности госпожи Серебро. Но сразу было заметно, насколько совершенными были его округлость и изящество.

Если Луна была плодом трагической любви, то Лилия была лишь продуктом несчастного стечения обстоятельств по вине неосторожности клиента госпожи Серебро. Яшма тайно полагала, что именно поэтому госпожа Серебро относилась к младшей дочери со столь явным равнодушием: Лилия была олицетворением единственного случая в ее жизни, когда все пошло вопреки ее желаниям. А если уж такая дама, как госпожа Серебро, не способна быть счастливой, то об этом вообще не стоит мечтать, думала Яшма по поводу собственных перспектив. Считалось, что после 25 лет цветущая красота куртизанок начинает увядать. К 30 годам женщины вообще воспринимались как дряхлые старухи. И если к тому времени им не удавалось стать наложницами или владелицами собственного заведения, то их ждала участь, ничем не лучше судьбы обычной проститутки. А поэтому не было ничего удивительного в том, что старшие куртизанки при доме госпожи Серебро преуспевали в искусстве влюбляться в морщинистых землевладельцев и дряхлых банкиров. И в этих пантомимах на тему любви мужчины с готовностью принимали участие наравне с женщинами.

Яшме оставалось всего несколько лет до превращения в провинциальную куртизанку весьма непримечательной внешности. Представить себя в объятиях какого-то помещика с золотыми зубами и зловонным дыханием ей не удавалось. Она мечтала о чередке статных молодых аристократов, питающих глубокую слабость к поэзии. По словам госпожи Серебро, история знала массу примеров, когда лучшие представительницы профессии куртизанок могли одним письмом вдохновить чувство в благороднейших из господ. Люди зачастую проникались любовью, даже не видя друг друга, столь мощным было их искусство владения эпистолярным жанром. Иногда страсть перерастала в реальную близость. Порой любовники были обречены на печальную участь, сжигаемые неугасающим пламенем желания. Яшма часто грезилась такими романтическими сюжетами. Бесчисленные вздохи девочки были данью памяти так и не нашедшим воплощение чувствам. Возможно, именно поэтому мать предупреждала ее о развращающем действии обучения. Даже в отсутствие мужчин она позволила искушать себя банальными речами. В Яшме трепетало знание, что слова, расставленные определенным образом, меняют ее внутренние ощущения. В этом сочинительство схоже с перестановкой мебели в комнате. Слова постоянно меняли и преображали свою носительницу, хотя никто не мог ощутить эту

незримую разницу. Если по окончании занятий другие девушки отправлялись на прогулку по саду или распаривали кожу над рисовой водой, то Яшма предпочитала в гордом одиночестве упражняться в сочинительстве.

С началом весны госпожа Серебро предпочитала переносить дневные литературные занятия в садовый павильон. Каждый день девушки по очереди должны были декламировать наизусть какое-нибудь классическое стихотворение. Когда очередь дошла до Яшмы, та остановила выбор на строфах авторства Хван Чжини, куртизанки XVI века, которая была известна тем, что перед ее чарами не могли устоять ни королевские особы, ни монахи, ни ученые мужи, ни бедные художники, ни богатые волокиты. Поговаривали, что Хван не было равных в поэзии, каллиграфии, сочинительстве, живописи, танцах и музыке. А слава о ее красе облетела все концы Кореи и даже достигла Китая. Яшму же Хван вдохновляла тем, что она свободно выбирала, кого ей любить, и покидала своих любовников без единой слезинки.

Госпожа Серебро вызвала Яшму выступить перед собравшимися. Яшма продекламировала:

Уж сколько лет у берега стоит,
Качаясь на волнах, та лодка из сосны?
А спросит путник: кто же реку первым пересек?
И я отвечу: благородный мудрый муж¹⁴.

Первое прочтение строк вызвало в Яшме смесь боли и восторга. Но остальные девушки, судя по всему, остались совершенно безучастными к стихотворению. Лишь лицо Лилии искажилось с трудом сдерживаемым зевком.

– Прекрасно. Одно из моих любимых произведений, – одобрительно заявила госпожа Серебро. – А теперь кто-нибудь может мне объяснить: что все это значило?

Девушки заерзали, украдкой переглядываясь между собой. Лилия подала голос:

– А разве это не про лодочку, мама?

Ученицы в один голос захихикали и зашептались.

– Конечно же нет. Горе мне, что я вздумала учить вас поэзии, – сокрушенно произнесла госпожа Серебро, покачивая головой. Яшма уже собиралась поднять руку, но тут к их компании подошел слуга Валун. Он склонился перед хозяйкой и начал стучать костяшками пальцев о деревянный пол.

– Торговец шелком явился? Новый человек в наших краях? – уточнила Серебро. Ей всегда удавалось расшифровать сообщения, сокрытые в стуках Валуна, сколь бы сложными те ни были. Никто, кроме нее, не был способен понять глухонемого слугу. Серебро вздохнула и поднялась одним грациозным движением.

– Мне нужно посмотреть ткани. А вы поиграйте пока, – заявила хозяйка. Девочки низко опустили головы в ответ.

– Готова биться об заклад, что стихотворение было о лодочке. А как ты думаешь, о чем оно? – поинтересовалась Лилия у Яшмы, пока они надевали обувь. Яшма знала и то, о чем было стихотворение, и то, почему оно пришлось по душе госпоже Серебро. Она неслучайно выбрала именно эти строфы.

– О женщине, которая вспоминает первую любовь, – ответила она.

Яшме казалось, что среди всех куртизанок и учениц только она одна понимала тайный язык, которому их учила госпожа. По всем темам, по которым лучшая подруга была не в помощь, Яшма обращалась к книгам. И уже задавалась вопросом, наступит ли когда-нибудь

¹⁴ Перевод Анны Семиды.

день, когда у нее появится достойный собеседник, с которым можно было бы обсудить их содержание.

* * *

Госпожа Серебро устроилась на шелковой постели в своей спальне в ожидании торговца. Рука машинально теребила кольцо на пальце. Через узорчатые двери, украшенные подвесками с драгоценными камнями и бахромой, до нее долетали крики и смех играющих девочек.

– Госпожа Серебро, к вам явился на поклон купец Чун. Я к вашим услугам! – представился из-за двери торговец шелком.

– Прошу вас войти.

Торговец отворил створку и прошел в помещение. За спиной он тащил сумку, полную отрезов ткани и всевозможных безделушек. Чун отвесил глубокий поклон госпоже Серебро. Та жестом указала на носу у него за спиной.

– Освободитесь от вашего тяжелого груза и присядьте. Устраивайтесь поудобнее. Я уже распорядилась, чтобы слуга принес вам угощение.

– Благодарю вас, госпожа, я недостойн такой милости, – ответил Чун, снимая сумку с плеча и укладывая ее на пол. Торговец уселся со скрещенными ногами на шелковую подушку, которую приготовила для него госпожа Серебро. Валун внес поднос с вином и тыквенными *хобакчон*. Такие вкусности в ту пору могла себе позволить лишь самая обеспеченная куртизанка.

– Я глубоко опечалена известиями о достопочтенном Пэке, – начала госпожа Серебро. – Он состоял с вами в одной гильдии. Вам ли не знать, что он посещал этот дом со своими товарами еще тогда, когда меня здесь не было.

Вместо ответа Чун лишь склонил голову.

– Были ли вы знакомы с ним, достопочтенный Чун?

– Да, госпожа. Мы – члены одной семьи. Он приходился мне дядей по матери.

– Значит, к вам по наследству перешла территория, на которой он торговал? – осведомилась с неожиданной живостью госпожа Серебро.

Чун, заглянув ей на мгновение в лицо, тихо подтвердил:

– Да, госпожа. Сыновей он потерял давным-давно. Я был ему ближайшим родственником, наследником и наперсником.

– Тогда показывайте ваши богатства, – попросила госпожа Серебро.

Чун начал разворачивать белую ткань, которой была обернута его сумка. Внутри обнаружился деревянный короб, в котором лежали аккуратно сложенные рулоны шелка летних оттенков: светлейшей лазури небес, сероватой зелени глазури селадонов, розоватого цвета азалий, желтого цвета форзиций, изумрудного цвета ивовых веток, а также изящного синего цвета морской волны, идеально подчеркивающего красоту таких умудренных годами женщин, как госпожа Серебро, и пышного красного цвета камелий, оттеняющего пленительную молодость еще подрастающих дев. Чун принес с собой и украшения: серебряные подвески с кораллами и нефритом, которые вызывающе смотрятся, когда их надевают с женским жакетом с глубоким вырезом и без подкладки; парные кольца из эмалированного серебра, янтаря и зеленого или белого нефрита, которые носили друг поверх друга; золотая шпилька¹⁵ для шиньона. За ними из сумки проследовали баночки с душистой пудрой из Англии, кольдкрем из Японии, помада для губ и румяна для щек, масло камелии, которое делало волосы гладкими и блестящими,

¹⁵ Такие шпильки – *пинё* – в Корее являются обозначением некоторого социального статуса носительницы. В частности, заколками украшали волосы по случаю наступления совершеннолетия. Примечательно, что у мужчин есть свои версии *пинё*.

и шелковый мешочек, содержащий подлинный мускус, который считался действенным средством для возбуждения желания.

Госпожа Серебро отобрала много тканей и косметики, значительно облегчив ношу Чуна. Осмотрев все товары, она вновь обратилась к торговцу.

– Прекрасные вещи. Но нет ли у вас чего-то еще для меня? – спросила она испытующе.

Хотя Чун и Пэк, предположительно, были близкими родственниками, мужчины мало походили друг на друга. Госпожа Серебро знала Пэка многие годы. За его тщедушным телом и услужливым видом скрывалась недюжинная сила, которая позволяла ему даже в старости каждый год путешествовать от побережья Восточного моря ¹⁶ до Пхеньяна, а потом следовать до самого Ыйджу, что на границе с Китаем. В прежние годы Пэк добирался даже до Шанхая и Владивостока, однако на момент его кончины большая часть прежних обязанностей была перепоручена молодым коллегам по гильдии. В темновато-желтом лице Чуна сходства с дядей почти что не было. Но его глаза, в которых читалась холодная рассудительность змея, не убеждали госпожу Серебро в том, что этому человеку можно было немедленно довериться.

Из рукава купец достал сложенный лист бумаги, который он подал даме обеими руками. Госпожа Серебро, тяжело вздохнув, вскрыла печать.

Руки задрожали, как и всякий раз, когда она удостоверилась, что перед ней было письмо, написанное рукой ее генерала. Она быстро просмотрела послание, впитывая в себя каждое слово, по капле облегчающее жажду вестей. Генерал благодарил ее за деньги, которые она отправила ему еще прошлым летом, рассказывал о победах и поражениях на просторах Сибири. Солдаты, несмотря на холод и обмундирование, которое смотрелось жалко в сравнении с оснащением противника, были готовы идти за ним в любой бой. Некоторым из военнослужащих удалось вывезти во Владивосток жен и детей, и в свете радостных воссоединений семей генерал тем более чувствовал печаль разлуки с ней и Луной.

Должно быть, она прекрасна, если пошла в тебя. Меня страшит мысль, что мне не суждено уже увидеть нашу дочь...

Госпожа Серебро осторожно сложила письмо и спрятала его меж страниц книги на столе. Она собиралась, как только останется одна, перечитать его, медленно и с чувством, упиваясь каждой черточкой.

– Благодарю вас, почтенный Чун. Когда мне стало известно о гибели почтенного Пэка, я сразу подумала, что письмо найдут и все пойдет прахом... Что лишат жизни и нас, и людей, которые сейчас во Владивостоке. Я всю зиму провела в ожидании наихудшего... Даже в постель не ложилась без ножа, чтобы можно было покончить с жизнью, если они явятся. Но никто так и не пришел...

– Те выродки бросили тело, даже не осмотрев его. А то бы дела обернулись именно так, как вы опасались, – выжал из себя Чун. – Дядя хотел завести их в горы, в западню к нашим солдатам. Покончить с начальником полиции и старшими офицерами было бы большой победой... Либо он не отыскал дорогу посреди снега, либо не нашел наших на условленном месте.

Ни Чун, ни госпожа Серебро не озвучили то, что было и без того очевидно: если борцы за независимость не воспользовались отличным шансом взять в плен группку сбившихся с пути японских солдат, то союзники, весьма вероятно, сами пали в очередном сражении, которое останется за пределами исторических хроник.

– Тело вашего дяди никто не трогал, пока вы до него сами не добрались?

– Нет, госпожа. Мне вообще ничего не было известно о произошедшем. Я был далеко на юге. Но местный крестьянин подобрал тело и подготовил его к погребению. Это обездоленный вдовец. У него трое малолетних детей. Но даже на грани голодной смерти он остался порядоч-

¹⁶ *Восточное море* – подразумевается то, что на Западе, в том числе и в России, называют Восточно-Китайским морем. Сохраняем корейский топоним.

ным человеком. Он сохранил все личные вещи дяди, пока я не приехал устраивать похороны. Все было на месте, не пропала ни одна монета.

– Это невероятное везение, – пробормотала госпожа Серебро. Она открыла ящичек туалетного столика и вытащила оттуда два мешочка на веревочках, один белый и один красный. Внутри скрывались тяжелые золотые слитки.

– Белый – вам, в благодарность за ваши заботы, – сказала она, передавая мешочки купцу. – А красный – на общее благое дело. Можно ли доверять человеку, который отправится с этим мешочком по ту сторону границы?

– Уверяю вас, госпожа, все останется ровно так же, как если бы мой дядя был жив, – проговорил Чун. – Мы, скромные торговцы, любим золото ничуть не меньше любого другого человека. Но даже у нас есть понятие чести.

– Мне хорошо это известно, достопочтенный Чун. Хочу также отметить, что это не только от меня. Средства пожертвовали практически все куртизанки Пхеньяна. Здесь все деньги, которые мы выручили, разливая выпивку и возлежа с мужчинами, а также продав украшения, приберегаемые на старость.

Вместо ответа Чун лишь вежливо склонил голову.

– Как долго вы будете в наших краях? И когда вас можно ожидать в следующий раз? – спросила госпожа Серебро.

– Я отбываю завтра, с первыми лучами солнца. Если все сложится – вернусь осенью.

– Проведите у нас хотя бы эту ночь. У нас значительно комфортнее, чем на постоялом дворе.

– Благодарю вас, госпожа, но тем я привлеку к нам ненужное внимание. К тому же на постоялом дворе меня поджидают товарищи по гильдии... – проговорил Чун, уже поднимаясь. – Мне пора.

– Постойте! Чуть не забыла, – сказала госпожа Серебро. – Вы упомянули несчастного человека, который не дал осквернить тело достопочтенного Пэка... Если вы будете проезжать через его деревню по дороге в город, то могли бы вы передать ему кое-что от меня?

Госпожа Серебро вновь открыла ящик и начала перебирать оставшиеся безделушки. Свои лучшие украшения она продала и обратила в золото, которое купец уже положил в укромное место внутри сумки. Наконец, она стянула с пальца серебряное колечко и со слабой улыбкой протянула его Чуну.

– Скажите ему, что эта безделушка стоит недорого, но очень дорога моему сердцу. – В ее голосе угадывалось лишь самое легкое колебание. Чун, откланявшись, покинул госпожу Серебро.

Все самые драгоценные побрякушки были в ее глазах ничем в сравнении с серебряным кольцом, от которого она была вынуждена отказаться. Но в жизни всегда важно поддерживать равновесие. Она была обязана пойти на эту жертву. Именно так она воспринимала это. Серебро отдала бы свою жизнь за безопасность людей, которых любила: генерала, Луны и Лилии. Если бы те оказались посреди горящего дома, то она, облившись наскоро из ведра с ног до головы холодной водой, прыгнула бы не раздумывая прямо в пламя, чтобы вызволить их оттуда. Вот цена ее любви, твердила она про себя. Но рука уже тосковала по кольцу, которое на следующее утро покинуло пределы города вместе с Чуном и направилось в дом охотника.

Глава 2

Луна

1918 год

Самые из ряда вон выходящие вещи начинаются столь же неприметно, как потеря случайно оброненной булавки. Конец заведенному порядку подкрадывается столь же незаметно, как бродячий пес к лакомому куску. Проснувшись как-то утром Яшма и обнаружила, что занятия отменены. Девушка выбежала навстречу свежему воздуху, подобно окрылившейся пчелке, покидающей кокон с наступлением теплой погоды. Природа дышала началом лета. Кроны деревьев были покрыты обильными нотами зелени, чья свежесть радовала глаза и почти что явственно отдавалась в ушах неслышимой мелодией. Девочки резвились в саду, как выпущенные на выгул телята. Даже Яшме не было жаль на время отложить книги. Когда она уселась играть в ниточки с Лилией, стало понятно, почему на них снизошла такая милость: госпожа Серебро и Луна, облаченные в свои самые нарядные одеяния, вышли во двор, собираясь покинуть их на целый день. За их шествием с завистью наблюдала толпа девчушек с круглыми мордашками. Каждая девочка мечтала о том дне, когда и у нее появится возможность выйти в свет. Только Яшма стояла в сторонке, не желая докучать госпоже Серебро. А вот Лилия вышла вперед со смелым заявлением:

– Мама, и я хочу с вами. – Она произнесла эти слова печальным тоном избалованного ребенка.

Серебро окинула младшую дочь таким взглядом, будто бы, разбирая шкатулку с драгоценностями, вдруг обнаружила безделушку неясного происхождения. Изумленным и слегка смущенным, но в конечном счете, скорее, безразличным взглядом. Выждав мгновение, она благоволила ответить:

– Луна выезжает только для того, чтобы сфотографироваться. Так заведено. Когда тебе исполнится 15 лет, и ты поедешь в фотоателье со мной.

Встретив удрученный вид Лилии со своей привычной высокомерностью, госпожа Серебро взобралась вслед за Луной в повозку рикши. Пышная шелковая юбка колыхалась волнами роскошной ткани, пока владелица кибана устраивалась на сиденье. Выезд за пределы школы был редким удовольствием даже для Луны. Та от переизбытка чувств опасно высовывала голову далеко за пределы повозки, едва держась за скамью. По мере того, как они отъезжали все дальше от дома, Луна постепенно теряла из виду хорошо знакомые места. Скоро все вокруг нее уже казалось новым и неизведанным. Когда они проезжали мимо какой-то заметной достопримечательности, мать поясняла: «Это новая фабрика, которую в этом году открыл господин Хон, здесь делают обувь на резиновой подошве, он уже продал товара на две тысячи *вон*», или «это гимназия, позже ты, возможно, увидишь здесь мальчиков, а сейчас они, скорее всего, все на занятиях», и «там, где вздымается острый наконечник, молятся христиане, они тоже поют, только не так, как мы».

– Мама, а ты знакома с кем-нибудь из христиан? Говорят, что они все тайные собратья янки, – уточнила Луна.

– Я точно не знаю ни одного христианина, кто бы покровительствовал или был бы другом нам, куртизанкам. – Госпожа Серебро нахмурилась. – Но как не стать прислужником янки, если веришь в их Бога? Это было бы противоестественно.

Рикша остановился у фотоателье, и мать и дочь сошли с повозки, защищая веерами бледную кожу лиц от лучей солнца. Дверной колокольчик жизнерадостно огласил их прибытие

в заведение. Фотограф поприветствовал дам и провел их к отделанным бархатом креслам у скучно-серой стенки, где им предстояло фотографироваться.

Следуя указаниям фотографа, Серебро села в одно из кресел, а Луна встала рядом, положив руки на плечо матери. Фотограф зажег лампу сбоку от аппарата и попросил не моргать. Он сосчитал до трех. У Луны от последовавшей яркой вспышки на краткий миг помутилось в глазах, но вскоре поблекшие кресла в западном стиле и прочие атрибуты фотоателье обрели очертания, снова заполняя своим присутствием окружающий мир. Луну охватило странное ощущение, словно она только что очнулась от затянувшейся дремы, не понимая, что за окном: вечерняя заря или утренние сумерки. Это был будто небольшой провал в ее прежде непрерывно-долгом существовании, не отмеченном какими-либо яркими вспышками событий. Сердце ёкнуло, пропустив один удар, и было пока совсем неясно почему.

Когда они уже собирались покинуть ателье, вновь зазвенел колокольчик, и в заведение зашла пара офицеров в японской форме.

– Приветствую вас, господа, – провозгласил фотограф, переходя на японский. – Ваши фотографии готовы.

Госпожа Серебро поспешила покинуть фотоателье, утаскивая за собой Луну. Офицеры проводили поспешный отъезд дам долгим взглядом.

– А вот и фотокарточки. Все получилось безупречно. Надеюсь, что вы их оцените, майор Хаяси, – сказал фотограф, протягивая конверт офицерам. Владельцу ателье пришлось лично взять на себя съемку японцев. Больше некому было ими заняться. Единственный фотограф-японец их городка неожиданно скончался годом ранее от туберкулеза.

Майор Хаяси едва взглянул на фотографии. Вместо этого он спросил:

– Кто были те две женщины?

– Давняя подруга с дочерью, – нервно ответил фотограф, поглядывая поверх плеча Хаяси на сопровождающего майора человека, который, несмотря на униформу японского офицера, несомненно, был корейцем.

– Ваше благородие, дозволейте доложить: это была известная куртизанка. Ее зовут Серебро. Считается первой красавицей Пхеньяна, – сообщил кореец на безукоризненном японском. И с жаром, который подобные случайные встречи вызывают даже в самых холодных головах, он добавил: – Многие годы не видел ее, но узнал с первого взгляда.

* * *

Луна была изрядно раздосадована тем, что госпожа Серебро предпочла отправить за готовыми фотографиями Валуна, а не позволить дочери вновь выехать за пределы дома. Первая поездка ее весьма приободрила, да и ей всегда нравились новые зрелища. Но превыше всего глубоко в душе Луну взволновал взгляд, которым ее наградили офицеры. От такого взора хотелось нарядиться в лучшие одежды и колесить по городку весь день напролет. Луна хихикнула, представляя себе, как она такими разъездами совсем замучает бедного рикшу. А потом ей подумалось, что она больше не хочет спать в одной комнате с матерью, и от этой мысли она ощутила чувство вины. Ведь она прекрасно знала, как любила ее мать.

Вскоре стало так жарко, что обитательницы усадьбы предпочитали спать на прохладном деревянном полу крытой террасы. Луна ухватилась за эту возможность и, ссылаясь на духоту, присоединилась к остальным. Женщины и девочки сложили постели в один большой настил на полу. Чтобы отвадить от себя комаров, они жгли полынь, дававшую при горении сладковатый аромат. Клубочки дыма тонкой змейкой устремлялись вверх, в непроглядную небесную тьму. Особенно рады смене обстановки были ученицы помладше, которые перешептывались между собой до утра. Они лежали рядком, напоминая нитку неожиданно разболтавшегося жемчуга.

Как раз в одну из этих ночей Луна позвала сестру:

– Эй, Лилия! Ужас как хочется чего-то холоденького. На кухне есть арбуз. Принесешь мне?

– С какой такой стати? Я тебе в горничные не записывалась, – пробурчала Лилия из своего укромного местечка как можно дальше от сестры.

– Какая же ты негодница! Потому что я старшая. Дуй прямо сейчас. А то маме расскажу. Предчувствуя очередную пустую склоку между Лилией и Луной, Яшма быстро вскочила на ноги.

– Давайте я схожу, – предложила она, уже надевая обувь. На кухню она пошла окольным путем, по заднему двору. Арбуз она обнаружила в деревянной кадке, наполненной холодной водой. Кухарка так сохраняла его в прохладе всю ночь. Уложив арбуз на разделочную доску, Яшма, вооружившись ножом, какое-то время примеривалась к плоду, чувствуя себя палачом, присматривающимся к голове жертвы. Девочку охватило странное чувство тревоги.

Яшма приставила острие ножа к темно-зеленой коже арбуза и сильно надавила вниз. Нож с хрустом вошел в плод, обнажая алую плоть, утыканную черными семечками. Когда Яшма начала нарезать ломтики на кусочки, она вдруг почувствовала, как что-то впивается ей в руку. Она взглянула на левую ладонь и обнаружила глубокий надрез, из которого изливались капли темно-красной крови, напоминавшие зерна граната. Яшма отвела руку от арбуза и дала крови пролиться на пол. Тряпки, чтобы обвязать рану, под рукой не оказалось. Девочке пришлось, сжав левую ладонь в плотный кулачок, помучиться, единственной свободной рукой подтирая размазанную кровь и отмывая разделочную доску вместе с ножом.

Покачиваясь, Яшма пошла обратно на террасу. Кусочки арбуза она уложила в корзинку, которую несла в правой руке. До нее донеслись обрывки разговора прежде, чем она увидела их. Незнакомые низкие голоса приглушенно говорили о чем-то на смеси корейского и японского. Когда Яшма завернула за угол, ее глазам предстали выстроившиеся в линию у постелей женщины и девочки в одном нижнем белье. Перед ними вдоль двора вышагивали четверо мужчин, за которыми семенила в тонком шелковом халате госпожа Серебро. Краем глаза Яшма заметила неподалеку Валуна и облегченно вздохнула.

– Это все девочки, которые учатся здесь у вас? – спросил кореец, одетый в гражданский костюм на западный манер.

– Да, – тихо подтвердила госпожа Серебро. Даже лунный свет не мог скрыть ее воспаленный взгляд. Яшма вспомнила о ноже, оставшемся на кухне, и медленно попятилась назад, но ее выдал легкий шелест песка под ногами. Офицер-кореец, словно сторожевой пес, немедленно дернул головой в ее сторону.

– Хотели спрятать от нас эту девчушку? – бросил он, ухватывая Яшму за плечи и ставя ее перед собой.

– Ну конечно же нет. Я даже не знала, что она отлучилась, – поспешила ответить госпожа Серебро.

Остальные трое мужчин были одеты в военную форму. Один из них вступил на террасу, как был, прямо в сапогах, и что-то сказал на японском офицеру в штатском.

– Известно ли вам, что все дома куртизанок, бордели и прочие заведения в обязательном порядке должны иметь лицензию и работать под присмотром властей? – сказал кореец.

– Этот дом открыл свои двери более века назад и передавался по наследству от матери к дочери, – проговорила госпожа Серебро. – Мы всегда уплачивали все подати и никогда не перечили традициям.

– Даже не пытайся разыгрывать перед нами комедию, шлюха. На твоём месте я бы осторожнее подбирал слова. Мне отлично известно, чем именно вы здесь занимаетесь, – рявкнул офицер, заставив госпожу замолчать. – На ваше счастье, майор Хаяси не прикрыл ваш притон. Пока что, – добавил он, кидая взгляд в сторону прохаживавшегося по террасе командира.

Мужчина с квадратной головой и крепкой шеей, от которой вот-вот норовил лопнуть ворот рубашки, показался Яшме похожим на быка, облаченного в шкуру пыльно-коричневого цвета. Хаяси медленно расхаживал взад и вперед по террасе, с неподдельным интересом приглядываясь к девочкам, которые стояли, уставившись в землю. Временами майор останавливался у какой-нибудь девочки, рукой приподнимал ей голову, всматривался в личико, поворачивая его то влево, то вправо, и затем продолжал досмотр. Наконец, Хаяси остановился перед Луной. Улыбнувшись, он что-то прокричал задорно на японском компаньонам, которые разразились в ответ громким гоготом.

Майор Хаяси приподнял голову Луны за подбородок и уставился в ее лицо. Девушка не осмеливалась поднять глаза. Руками она крепко обхватила грудь. Майор отпустил ее лицо и резко развел ей руки, которые беспомощно повисли вдоль тела. Пальцем он пробежался ей по ключицам, а затем и по бюсту, явственно проступавшему под нижним бельем. Он схватил ее за грудь и грубо сжал ее, пока из девушки не вырвался сдавленный стон.

– Умоляю вас. – Госпожа Серебро обратилась вдруг с почтительностью к офицеру-корейцу. – Я ее воспитала, как благородную даму. С рождения она знала лишь учтивое отношение, которым удостоивают самых деликатных особ. Эта девушка никакая не куртизанка. Она даже не состоит в гильдии. – И добавила: – Выбирайте любую другую. Только не ее.

– Однозначно среди молоденьких она – лучшая. Ну а ты слишком стара. Заткнись, если тебе жизнь дорога, – заявил офицер. – Готовь ему комнату, если не хочешь, чтобы он оприходовал ее прямо здесь и сейчас.

– Ни за что, – дерзко кинула госпожа Серебро. Один взгляд – и Валун ринулся вперед из своего угла. Он бросился между Луной и майором, отбросив мужчину назад. Подчиненные майора вскинули винтовки и направили их прямо на Валуна. Девочки закричали. Хаяси, оправившись от столкновения с неожиданным препятствием, улыбнулся противнику. Затем он выбросил кулак в сторону лица Валуна, который одной рукой отбил атаку. Но тут же к ним подскочили два офицера, которые схватили Валуна, скрутили слуге руки за спину и, несмотря на беззвучные попытки того отбрыкаться и вырваться из их объятий, заставили его встать на колени. Наконец Валуна уложили животом на пол. Майор закурил сигарету и сильно затянулся, водрузив ногу в сапоге прямо на шею слуги.

Яшме было неизвестно, от кого исходил последовавший пронзительный крик: от нее самой или от других женщин. Хаяси встретил вопль смехом и со всей дурью бешеного быка еще больше ввинтил каблук в шею несчастного слуги. Валун, лишенный способности кричать, мог только пыхтеть, как задыхающийся пес. Некоторые из учениц помладше уже неприкрыто рыдали. Девушки постарше замерли в ужасе, кусая губы. Яшма почувствовала, что колени готовы просесть под нею. Границы окружающего мира помутнели.

Хаяси пробурчал что-то по-японски. Единственное, что Яшме удалось разобрать в его словах, – «чосонская мразь». Майор выдохнул белое облачко сигаретного дыма и еще сильнее вжал шею Валуна в землю. На спине немого слуги выступил обильный пот. Его лицо приняло синюшный оттенок.

– Остановитесь, пожалуйста! – Госпожа Серебро взбежала на террасу и склонилась над Валуном. – Не убивайте этого человека. Он не хотел вам вреда. – Слезы теперь роняла и она, хотя обычно никогда не позволяла себе плакать при посторонних. – Он самый обычный недотепа, к тому же немой. Пожалуйста, сжальтесь над ним.

Майору до всего этого дела не было. Корейский язык был чужд его ушам. Ногу с шеи Валуна он все-таки убрал, но сразу же пнул его в голову со всей силы. Послышался громкий хруст. Словно арбуз раскололся. Наконец офицеры отпустили жертву. Валун уже был не в состоянии сопротивляться. Обессиленный слуга так и остался лежать на полу, не подавая признаков жизни.

Утомленный же затянувшимся ожиданием Хаяси схватил Луну за руку и кинул ее оземь. Девушка вопила, пинала его. Майор наградил ее таким сильным ударом по голове, что ее длинные волосы, сплетенные в косы перед сном, разлетелись во все стороны, закрыв ей лицо. Еще несколько ударов, и она более уже не противилась, оставшись лежать безмолвным телом под ним. Яшма закрыла глаза. Но уберечь уши от звуков его ритмичного кряхтения она не могла.

Когда действию подошел конец, Хаяси, натянув штаны, отправился прочь, будто бы ничего и не произошло. Подчиненные удалились вместе с ним. Госпожа Серебро кинулась к брошенному телу Луны. Несколько девочек побежали искать тряпки, чтобы было чем скрепить голову Валуна. Доносившийся со всех сторон плач то приближался, то отдалялся в ушах Яшмы. Она вдруг осознала, что все это время не выпускала из рук корзинку с арбузом. Яшма осторожно поставила ее на землю. Содержимое корзинки уже никому не принесло бы радость. Никто из них долгое время даже думать о еде не смог бы. Невероятным казалось и то, что когда-нибудь они смогут вновь играть и декламировать стихотворения в этом дворике. Все по краям поля зрения вдруг будто бы распоролось, как старая ткань, и ослабевшие коленки наконец-то сдались. Никем не замеченная Яшма повалилась на землю. Под ее левой рукой растекалась лужа бурой крови.

Глава 3

Средство от горечи

1918 год

С месяц после той ночи Яшме пришлось обматывать левую руку тканью. Когда с повязками было покончено, ее рука вроде бы особо не поменялась. Если не считать длинной бурой черты, рассекавшей теперь ее левую ладонь, но и та постепенно поблекла. Однако перемена, произошедшая с Луной, была не столь быстротечной. Девушка больше никому не докучала, а упоминание ее имени вызывало в окружающих не прежний трепет, а жалость. Луна ни под каким предлогом не покидала свою комнату. Госпожа Серебро лично относила туда подносы, уставленные любимыми лакомствами Луны, в том числе кусочками спелой дыни. И каждый раз посуда возвращалась на кухню несколькими часами позже почти что нетронутой. Яшма часто стояла караулом у комнаты и вызывалась присмотреть за Луной, но госпожа Серебро отвергала любые предложения о помощи. Она одна неусыпно следила за дочерью.

Все это время никто не сомневался, что с Луной все образуется, а вот Валун наверняка умрет. Луна была молода, и, несмотря на остроту доставленных ей страданий, убить ее никак не могли. Валун же из-за проломленной головы впал в ступор. Глубокоуважаемый знахарь предположил, что слуга в его-то возрасте уже и не пробудится после такого, а если сознание к нему и вернется, то он будет еще более бесполезным существом, чем прежде, лишившись ко всему прочему и способности ходить и справлять нужду без чужой помощи. После этих слов госпожа Серебро, заткнув пасть лекаря приличной пригоршней монет, распорядилась, чтобы тот больше никогда не переступал порога ее дома. Госпожа Серебро взяла и уход за Валуну полностью на себя, регулярно меняя ему одежду и протирая его влажными полотенцами.

Как-то госпожа Серебро, придя в очередной раз навестить Валуна, обнаружила того в сознании и в ожидании ее. Не прошло и недели, как слуга смог сесть без чужой поддержки. Еще неделя – и он сам отправился к отхожему месту. Правда, потом его обнаружили распластанным на земле без движения, на полпути обратно. Женщины отнесли его обратно к ложу, на котором он пролежал неподвижно еще не один день.

Слухи о произошедшем той ночью достигли городка. Некоторые винили Валуна за то, что тот не уберет молодую госпожу. Выбор между глухонемым слугой и юной красавицей, чья лучшая пора еще была только впереди, казался совершенно очевидным. Однако Валун, не имея возможности внимать подобным пересудам, в конечном счете сумел вернуть себе большую часть былой силы.

После длительного пребывания в постели Луна зависла на грани между явью и сном. Скоро она совсем перестала отличать мысли от грез. Периодически ей вспоминалась легенда, которую когда-то сказывала мать. Давным-давно далеко в горах жили медведица и тигр, которые больше всего на свете хотели стать людьми. Они вознесли молитву к Небесам, которые преподнесли им по двадцать долек чеснока и по стебельку полыни и распорядились, что чудесное превращение произойдет, если они проведут в пещере сто дней, вкушая только эту пищу. Тигр не утерпел и сбежал из пещеры, но, оставаясь зверем по облику, сблизился с человеком по мудрости и чувствам. Медведица же выдержала испытание и на сто первый день превратилась в прекрасную деву. Но женщина-медведица вскоре загрустила и ощутила, что для полного счастья ей не хватает ребенка. Вновь она вознесла молитву к Небесам, и сын Властелина Неба,

сжалившись над ней, спустился на землю и возлег с ней. Родившемуся от их союза сыну было суждено стать первым правителем Кореи ¹⁷.

Сколько себя помнила Луна, она слышала десятки историй о женщинах, остро желающих потомства. Однако ни в одном сказании не фигурировали особы, не желавшие материнства, хотя среди куртизанок, служанок, незамужних девушек и вдов, которым и без того нечем было кормить уже имеющиеся голодные рты, таких было предостаточно. Вот и оставалось таким женщинам только возносить молитвы к Небу да питаться горькими травами.

Не так давно забеременела состоявшая у них в услужении четырнадцатилетняя прачка. Девушка умоляла госпожу Серебро о помощи. Денег на то, чтобы сходить к знахарю, у служанки не было. Да и не могла она себе позволить, чтобы ее застукали за покупкой чего-то столь предосудительного. Тогда до скончания века можно было бы забыть о замужестве. У куртизанок, естественно, на такие случаи было припасено одно средство. Луна тайно проследила за тем, как служанка готовила себе горькую похлебку, от которой валили клубы густого пара. Девушка испила чашу до дна, заглатывая содержимое с особой жадностью, заметила тогда про себя Луна. И теперь ей самой предстояло испить из той же чаши.

Приняв решение, Луна одной ночью тихонечко выбралась из постели, чтобы не потревожить госпожу Серебро. На слабых тоненьких ногах, едва способных удерживать ее вес, Луна все же смогла добраться до кухни. Травы по-прежнему лежали в бронзовом котелке, припрятанном в углу. Луна нагрела воду в глиняном горшке, добавила травы и дождалась, пока плотный отвар не приобрел буровато-коричневый оттенок. В снадобье древесные ноты сочетались с привкусом желчи.

Луна вернулась в спальню, улеглась на циновку и подождала, пока подействует зелье. Месячные она пропустила всего один раз, но уже чувствовала, что в ее чреве возникло что-то угловато-острое, чего прежде там точно не было. Ее даже не удивило, что зародыш ощущался в животе мерзким гвоздем. Можно ли было ожидать чего-то другого от семени, исходившего от такого мужчины, как майор? Воздух вокруг нее стал невыносимо горячим. А снадобье, вместо того чтобы выкорчевывать засевавший в ней стержень, лишь заставляло его разрастаться, разрывая ее изнутри. Давно пробудившаяся мать уже сидела рядом, держа ее за руку и проверяя ей температуру. Луне так хотелось, чтобы дыру меж ее ног захлестнул поток крови. Но гвоздь крепко сидел в ней. Если бы она могла говорить в тот момент, то она бы взмолилась, чтобы кто-нибудь – без разницы кто – выскоблил из нее плод. Но она не могла выдать из себя ни одного слова. Она провалилась в страшный кошмар.

Когда Луна пробудилась, вокруг нее уже вновь сгустились сумерки. Она пролежала в горячке весь день. Госпожа Серебро все так же сидела рядом. Мгла под очами явственно свидетельствовала, что она ни на секунду не сомкнула глаза.

– Ты слишком молода и наверняка не помнишь этого. Я тоже не хотела Лилию. Снадобье мне не помогло, – проговорила госпожа Серебро. – Всю беременность я была страшно зла на ребенка. И даже после того, как она родилась, я с трудом выносила ее присутствие. Но однажды, когда ей не было и двух месяцев, она вдруг взглянула мне прямо в глаза и улыбнулась. Улыбнулась, несмотря на то, что еще в утробе – я была в этом уверена – она ощутила, насколько я ее ненавижу. – Она замолчала, заметив, что Луна слишком тиха и напряжена для спящего человека.

– И тогда я крепко обняла это маленькое тельце, которое все еще было красным после пребывания во мне, и зарыдала так, будто хотела затопить весь мир слезами. Плакала и твердила, словно умалишенная: «Умоляю, прости меня». Я попыталась от нее избавиться, но ее

¹⁷ Речь о легендарном правителе Тангуне, который считается основателем первого корейского государства – Древнего Чосона.

душа отказывалась покинуть меня. Нас будто бы связали невидимой нитью. Судьба¹⁸ – хитрая штука. Коли не суждено, то нет смысла цепляться за людей. Они тебя бросят, как бы ты ни старалась их удержать. Некоторые люди, которых любишь всем сердцем, могут в мгновение ока стать чуждыми тебе, если на то воля судьбы. А иногда, вопреки всему, люди будут привязаны к тебе навечно. Лилия и я... Линия судьбы, которая связывает нас, гораздо глубже и древнее, чем сама жизнь. Я на все готова ради Лилии. Так же как и для тебя. Вы обе мои дочери. А потому поверь мне, что сейчас ты не можешь понять свои ощущения. Понимание придет к тебе значительно позднее.

Наперекор палящему солнцу и загустевшему от жары воздуху госпожа Серебро съездила на другой конец городка и отправила телеграмму в Сеул. Причины ее неотложного выезда стали очевидны, когда к их воротам подъехала гостя: куртизанка, не менее прекрасная, чем госпожа Серебро, но одетая в менее замысловатый и гораздо более дорогой наряд. Чернильно-черные волосы были уложены по западной моде: локоны обрамляли лоб и завитками спускались по затылку. Вместо шлепанцев из шелка и кожи с цветочной нашивкой она носила туфельки на каблуках с ремешками. На ней были изысканные шелковые чулки, которые обычно носили только белокожие женщины. Двоюродную сестру Серебра – а именно ею оказалась незнакомка – звали Едан, но друзья и поклонники предпочитали называть ее Дани. Ей предстояло забрать с собой в Сеул Луну, якобы для того, чтобы та могла начать жизнь с чистого листа. Истинная причина отъезда, впрочем, была всем очевидна: Хаяси не должен был прознать о положении девушки.

В Сеул должна была отправиться и Лилия, но она отказывалась от поездки, если ее ближайшей подруге не будет дозволено отправиться вместе с ней. Госпожа Серебро уже оплатила проживание обеих дочерей, чтобы тем не пришлось, как было заведено, отрабатывать пребывание в доме старшей куртизанки. Однако Яшма и без того уже дорого обошлась ей, соответственно, перевод ее в Сеул представлялся проблемой не менее деликатного свойства. Дани все же согласилась взглянуть на девочку, которую вызвали на беседу сразу после ужина.

– Сколько тебе лет? – поинтересовалась Дани. Прекрасные и проницательные глаза осмотрели девочку сверху вниз, от макушки головы до подола юбки.

– Мне десять лет, госпожа, – мягко ответила Яшма, устремляя взгляд на алые губы Дани, которые совсем недавно покрыл свежий слой помады. Губы красили, конечно же, и госпожа Серебро, и другие куртизанки, но Дани была первой женщиной на памяти Яшмы, у которой макияж был не просто украшением носительницы, а сам по себе отдельным эффектом. Яркий цвет губ заставлял представлять, как Дани награждает собеседника ласками или – если она того хотела – звонкой пощечиной. Дани достала сигарету из эмалированного портсигара. Возложив сигарету в разомкнутые уста, дама одним плавным движением зажгла ее. Манеры и дикция Дани были безупречными, но вокруг нее витала, подобно парфюму, несколько вызывающая аура. Дани не подпадала ни под какую категорию людей. Она отличалась от любого другого человека. И это было ее самым привлекательным качеством.

– Дай-ка посмотрю на твои глаза, – сказала Дани, вынимая сигарету изо рта. Облачко белого дыма мягко обволокло ее губы, прежде чем раствориться в воздухе. Яшма подняла глаза и посмотрела в зрачки Дани, почти черные, если не считать золотисто-коричневые искорки.

– Она очень миленькая. К тому же весьма смышленная, – отметила госпожа Серебро. – Какое-то время не сможет работать в полную силу, но определенно пригодится вам.

Дани повернулась к родственнице. Даже в том, как она слегка наклонила голову вбок и отвела локоток назад, таилось томное изящество, подумала Яшма.

¹⁸ Здесь подразумевается многозначный корейский термин *инён*, имеющий в первую очередь коннотации судьбы и предопределенности как таковой.

– Она выглядит прилежной ученицей, как ты утверждаешь. Глазки у нее недурные. Если уже совсем начистоту, вид у нее получше, чем у твоего цветочка, – заметила Дани безо всякого стеснения, будто бы Яшма не стояла перед ней.

– Да, Лилия не особенно похожа на меня, – проговорила госпожа Серебро, явно задетая за живое.

– Безусловно. А бедная Луна – как раз твоя вылитая копия. Эта девчушка не такая сногшибательная красотка, как Луна, но, признаю, черты лица у нее приятные. Глаза, в которых угадывается ум, полные губки... И все же я, наверное, не возьму ее. Она какая-то слишком уж хрупкая на вид. Слабенькая. И я имею в виду не только в физическом плане. Все гораздо хуже: она совсем безлика. А ты же знаешь, насколько мне противны пресные пейзажи. – Дани сокрушенно покачала головой.

– Яшма вовсе даже не безлика! – воскликнула госпожа Серебро, бросая настойчивый взгляд на девочку, дабы подвигнуть ту проявить себя с наилучшей стороны. Негласный приказ не возымел желанного действия. Факт созерцания ее фигурки сразу двумя властными женщинами полностью сковал Яшму. В этот момент она была едва ли более одушевленной, чем каменный жернов.

– Сейчас тяжелые времена, сестрица. В деревнях совсем нет зерна. Каждую неделю я нахожу у себя на крыльце минимум пять девочек. Родители умоляют приютить их чад в обмен на в лучшем случае скромный мешочек риса. И некоторые из них, даже в грязных лохмотьях, выглядят гораздо более симпатичными, чем эта твоя Яшма. И я все равно всех отправляю восвояси. – Дани откинулась назад, скрепя руки на груди, словно желая подвести черту под разговором.

– Яшма у нас самая лучшая в классе поэзии. Когда она зачитывает строфы классиков, кажется, будто поют иволги. И ты не видела, как она играет на дворе с подружками. Очаровательный ребенок, – попробовала продолжить наступление госпожа Серебро.

– Прости меня за эти слова, но мелкие проявления очарования как-то не особенно обнадеживают меня и не доказывают, что в ней есть хоть какое-то своеобразие. Охотно верю, что твое дитяtko – просто зайчик за играми. Но одной бойкости мало. Вот у твоей младшей дочери куража на нескольких человек хватит! И пусть ей с внешностью не повезло, в этом-то она явно пошла в тебя... – Дани засмеялась. Лицо госпожи Серебро оставалось мрачным.

– Мне кажется, ты чрезмерно строга, Дани. В конце концов, Яшме всего десять лет. А подрастающие дети меняются десятки раз за год, – заявила госпожа Серебро. – Все, что я могу сказать: она достойна внимания. Я повидала достаточно людей на своем веку и знаю, о чем говорю.

Дани вновь склонила красивую головку набок, издав едва слышный звук, который, как решила для себя Яшма, напоминал вроде бы «кхм». Девочка попыталась было проявить ту изюминку, которую искала в ней Дани, – возможно, видимость непринужденного ликования, которая была свойственна Лилии. Однако даже в отсутствие особой горделивости Яшма не могла выдавить из себя улыбку, когда ее так беззастенчиво препарировали. Слезинка грозила вырваться из правого глаза, и девочка усилием воли вернула ту на место.

– Ну что же, милая сестра... – произнесла Дани со вздохом. – Буду откровенна: я не уверена, что эта девочка будет способна зарабатывать себе на жизнь в качестве куртизанки. Ей не хватает чувственности. И, если уж честно, а что от нас еще требуется мужчинам? С другой стороны, она слишком изысканная, чтобы снискать успех в качестве первоклассной прачки. Она застряла где-то между двумя крайностями. Разве ты сама этого не видишь? Но ты мне кузина, да к тому же давняя подруга. И чтобы сделать тебе приятно, я, так и быть, возьму ее в ученицы, – заключила она, отворачиваясь от Яшмы и отсылая ту королевским взмахом руки.

Пятясь, Яшма покинула комнату и побежала рассказывать Лилии о том, что произошло. Ей было абсолютно непонятно, почему Дани отнеслась к ней без особой симпатии и в то же

время позитивно оценила Лилию, а госпожа Серебро – наоборот. Было удивительно слышать рассуждения о том, что у подруги есть особый шарм, до которого ей, несмотря на более приятную внешность и познания в литературе, было далеко. Однако Яшму не сломила эта мысль. Как раз наоборот, она чувствовала облегчение по поводу того, что их с подружкой признали идеально дополняющими друг друга противоположностями: Яшма – наблюдательная, умная и трудолюбивая; Лилия – темпераментная, привлекательная и уверенная в себе. Подругам никогда не пришлось бы конкурировать за сердца одних и тех же мужчин или за одни и те же земные радости, как бывает с приятельницами, которые слишком похожи. Яшме подумалось, что каждой из них даровано по половинке единой судьбы, по одному крылышку, чтобы бок о бок дрейфовать по этому миру. Вдали друг от дружки им не суждено было прожить полноценную жизнь.

Зайдя в поезд, Дани выбрала для девочек места в конце вагона, друг напротив друга. Они тихо сидели, молча провожая взглядом поля за окном, пока те не утратили ясные очертания. Стайка воробьев какое-то время пыталась нагнать поезд, но, утомившись, наконец отстала.

– Несемся быстрее пташек! – полушепотом заявила Лилия. Дани наградила ее снисходительной улыбкой. Для всех уже было предельно очевидно, что в Лилии Дани подкупало неизменное присутствие духа, а в Луне – внешность и ореол трагичности. Яшма ощущала даже не столько обиду, сколько смущение перед фактом, что она находилась в самом конце списка людей, которым Дани была готова уделить хоть малую толику заботы.

– Вы же в первый раз едете на поезде? Это еще что, вот доберемся до Сеула, и вы еще увидите такие вещи, которые вам даже в самых смелых снах не привидятся, – заметила Дани. – О, посмотрите, какой вид за окном!

Девочки припали лицами к стеклу. Отливающий перламутром диск солнца уже преодолел половину влажно-маговой поверхности летнего неба.

– Эта железная дорога связывает не только Пхеньян и Сеул. Она простирается с самого южного конца нашего полуострова до уезда Ыйджу на границе. Оттуда уже можно поехать на Запад, в Пекин и Шанхай, или на Север, в Маньчжурию, Сибирь и даже Европу! Только представьте, как далеко можно уехать и сколько всего можно повидать!

– А к чему куда-то ездить? Там же сплошное варварство вокруг, – провозгласила Лилия. В ее тоне неожиданно проявились нотки матери. Но Яшма все же отметила, как на единое мгновение озарилось лицо Луны при упоминании того, что скрывалось в заморских краях. А сидевшая рядом Дани с полной сосредоточенностью всматривалась в горизонт, словно одного взгляда ее самоуверенных глаз было достаточно, чтобы она мигом перенеслась через окно на край земли.

Что касается самой Яшмы, то она не была уверена, что ей хотелось ехать куда-либо. Прежде у нее не выпадала возможность задаваться такими вопросами, а при возникновении любых неопределенностей она чувствовала опустошенность. Еще хуже для девочки было то, что присущее ей любопытство нельзя было назвать искренним. Книжки, которые ей особо нравились, не учили чему-то новому, а рассказывали о уже давно известных вещах, просто особо утонченным образом. Воображение Яшмы вертелось по знакомому кругу изведенного и близкого. Ее мысли были скорее подобны струям фонтана, чем потоку реки. В особенности когда дело доходило до осмысления своей собственной жизни. Могла ли она стать чем-то сверх ожиданий окружающих? Яшма была уверена, что воображение Дани представляло собой океан возможностей, даже когда та была ребенком, и допускала, что ей не суждено стать даже наполовину столь же блистательной или что – мысль еще более ужасная – Дани тоже так считала.

На закате дня поезд, напоминая возвращающегося в родное стойло утомленного коня, медленно вполз в железнодорожный вокзал в Сеуле. Как только девочки ступили на платформу, их окутал плотный, физически осязаемый столичный воздух. Их встретила неизвест-

ность, играющая всеми оттенками оранжевого и фиолетового. Яшму более всего поразило, сколь чужеродными смотрелись люди, толкавшиеся вокруг нее. Да, чужаками для нее были и люди, населявшие Пхеньян, однако в их толпе она могла распознать что-то родное, ей были знакомы их внешность, издаваемые ими звуки, выражения их лиц. Среди них она чувствовала бы себя в безопасности. Ощущения от сборища незнакомцев, теснившихся в Сеуле, были совершенно иными. В них чувствовались большее самообладание, целеустремленность и безразличие, которые она уже ощутила на себе благодаря знакомству с Дани. Сеульцы раздраженно обходили замешкавшихся девочек. Потоки людей заполняли огромную привокзальную площадь. Выстроившиеся беспорядочными рядами уличные торговцы и рикши всеми силами пытались привлечь к себе внимание прохожих. За площадью высилась отдельным столпом гигантская каменная арка, украшенная наверху сине-черной черепицей. По сторонам монумент обступили, словно орава проголодавшихся щенков, магазинчики и прочие причудливые строения.

– Это Великие южные ворота ¹⁹, – пояснила Дани, когда они забрались в повозку рикши. – Их встроили лет эдак пятьсот лет назад в стену замка. Стена здесь еще была, когда я только приехала в Сеул. Это было грандиозное зрелище, скажу я вам. Стены уже давно снесли японцы. Аляповатые электрические столбы – еще одно нововведение.

Рикша побежал вперед, и хаотичная энергия вокзала осталась позади них.

– А мы проедем прямо через ворота? – спросила Яшма. Это была первая фраза, которую она позволила себе произнести после отъезда из родных мест.

– Ну конечно же, – сказала Дани. – Ворота не перестают быть воротами оттого, что стены рядом давно нет. Нельзя по прибытии в Сеул не проехать через них. Это подтверждение тому, что ты в Сеуле. Вообще, проходить через ворота – лучшая возможность поднять себе настроение. Отличное средство от горечи, – радостно проговорила она. Способность обнаруживать среди обыденности странным образом воодушевляющие моменты была еще одним из самобытных талантов Дани. – Держитесь! Сейчас поймете, что я имею в виду!

И Яшму в самом деле охватила необъяснимая радость, когда повозка проскочила под воротами и устремила по другую сторону города.

¹⁹ Великие южные ворота (*с кор. Намдэмуи*) – официальное название – *Сунгемун* («Ворота возвышенных церемоний»). Один из главных архитектурных памятников не только Сеула, но и Кореи в целом. Ворота были построены в конце XIV века.

Глава 4 Сирота

1918 год

Ранее тем же днем, когда девочки прибыли в город, через Великие южные ворота прошел и один мальчишка. Предшествующей ночью он расстался с группкой скитающихся торговцев, которые согласились дать ему возможность попутешествовать с ними в обмен за ношение тюков и выполнение мелких поручений. За работу мальчишка наградили двумя монетками – вполне достаточно, чтобы отоспаться в общей комнате при постоялом дворе и купить миску бульона. Но мальчик отправился не на постоялый двор, а к тянувшейся параллельно дороге по внешней стороне ворот канаве, решив, что поест только тогда, когда у него совсем не останется сил. Подыскав себе подходящий желобок, мальчик улегся в него, свернувшись калачиком. Мягкие стебельки лисохвоста, будто бы давно поджидавшие прибытия гостя, склонились над паренком, накрыв его невесомым покрывалом. Мальчик скосил глаза и устремил взгляд в сторону черного небосвода, усеянного блестящими звездами.

Отец мальчика был не особенно щедр на слова, но незадолго до смерти он поделился с сыном мыслью: посмотри в небо, и оно сделает тебя бесстрашным перед любыми преградами. При жизни отец был первоклассным охотником, однако к концу пребывания на земле он не мог даже покинуть своей комнаты. Беспомощно возлежа на койке, отец наказал сыну: что бы ни случилось, позаботься о сестрах. Единственное, что выдавало жизнь в теле, от которого осталась лишь слабая тень, был пучок седых волос. «Ты теперь главный в семье. Если тебе будет недоставать храбрости – просто посмотри в небо».

Мальчик пробудился, когда звезды уже ушли на покой. Его разбудил запах лучей солнца, прогревающих землю. Продрав глаза, паренек вылез из лежбища и отправился на первую прогулку по городу, пропитанному почти осязаемым рыжим светом. В летние месяцы проблески зари задерживались в Сеуле ненадолго. Быстротечное сияние было легко упустить, столь эфемерным оно было. Вскоре из-за горизонта выкатилось раскаленное солнце, в считанные секунды осушившее утреннюю росу. Город разом поднялся, будто бы повинувшись негласной команде светила. Через Великие южные ворота уже шел караван тележек, путешественников и рабочих. Мальчик с опаской влился в очередь, выстроившуюся на входе в город. Присутствие ребенка не вызвало ни вопросов, ни недоуменных взглядов. Мальчик благополучно прошел под прохладной аркой. По ту сторону ворот его встретила просторная дорога с величественными зданиями в западном стиле, по которой с жужжанием проносились трамваи. И, вопреки охватившей его от голода слабости, паренек не смог сдержать улыбку. Он потянулся в карман, приветственно сдавив мешочек на веревочке, в котором хранились две монетки, серебряное кольцо и портсигар.

По обе стороны проспекта выстроились особняки, которые ему показались домами местных христиан. В действительности за фасадами зданий скрывались правительственные учреждения, консульства и торговые компании. По улицам расхаживали корейцы в белых одеждах вперемешку с японцами в черных одеяниях. Кое-где возвышались верхом на лошадях одетые по форме офицеры. Окружающие обступали их с тем чувством сдержанной застенчивости, с которым косяки рыб огибают вышедших на охоту акул. Мальчик мельком заметил парочку белых мужчин, чьи мощные ножищи высовывались далеко из повозки, которую тащил пожилой рикша заметно более скромного телосложения. Грубоватую кожу лица старика обильно смачивали ручьи пота, просачивающиеся из-под головной повязки. Капли влаги мелким дож-

диком окропляли желтоватую грунтовую дорогу и его собственные ноги. Фигура рикши, пронесшегося мимо и быстро исчезнувшего в толпе, напомнила мальчику отца.

Солнце уже пекло вовсю. В горле мальчика все пересохло, и оно грозило в любой момент схлопнуться насовсем. Паренек попробовал пару раз сглотнуть, но сглатывать ему было нечем. Прежде всего нужно было добыть себе воды. Во всех деревушках под кроной тенистого дерева обязательно находился колодец, из которого женщины набирали воду на целый день. Чтобы отыскать воды, нужно было только окинуть взглядом окрестности и найти самое высокое дерево или просто проследовать за девочками с огромными глиняными горшками на головах. Но в городе деревьев было не видать. Вокруг простирались одни бесконечные улицы, заполненные людьми всевозможного рода. Девочек с горшками воды среди них не наблюдалось. Мальчик заметил проходящую мимо с корзинкой женщину почтенного вида и догнал ее.

– Тетушка, простите меня. А где можно было бы раздобыть водицы?

Сухие слова он отчеканил, будто вкручивал ржавые гвозди в доску. Женщина прошла мимо него, даже не сбавив шаг. Следующие несколько человек, к которым мальчик попытался подступиться, также проскочили вперед, словно даже не услышав его. Ему подумалось, что хотя бы последний из встреченных людей – по виду студент университета – точно остановится и хоть что-то скажет в ответ. Но молодой человек все с тем же отстраненным выражением лица продолжил путь. Мальчик почувствовал, как у него от головы отливает кровь. Он уже с трудом держался на ногах. Паренек пристроился под навесом здания и плюхнулся прямо на землю, даже не пытаясь смягчить приземление. На то у него уже сил совсем не было. Он прикрыл глаза ладонями – жест, отмеченный им у одного из странствующих торговцев, который так делал, когда был особенно утомлен. Мальчику показалось, что в этом жесте нет ничего постыдного или детского, а, скорее, что-то успокаивающее.

– Из деревни приехал?

Мальчик отвел руки от лица. Перед ним стоял парень примерно его возраста.

– Нет, – по наитию соврал мальчик.

– Как тебя звать?

– Нам Чонхо.

– Нам, по тебе видно сразу, что ты самая что ни на есть настоящая деревенщина. Кто, как не парень с деревни, только-только прибывший в город, сообщит незнакомцу полное имя?

– Слышь, гаденыш, сколько тебе лет? – не преминул в ответ спросить Чонхо. – Прямо напрашиваешься на трепку.

Самому Чонхо было всего 12 лет, но он уже снискал в родных краях репутацию лучшего бойца среди деревенских забияк. Массивным сложением он похвастаться не мог, его поджарое тело было рассчитано на гибкость и скорость. К тому же Чонхо совсем не страшился боли. В драке его всегда волновало только одно: максимально отмузить оппонента. Благодаря всему этому ему удавалось одерживать верх над мальчишками крупнее и старше его.

– А ты забавный. Кажись, ты не первый день без еды. Совсем ослабел, даже подняться сам не можешь, – заметил с ухмылкой городской паренек.

В мгновение ока Чонхо вскочил на ноги и занял боевую стойку, держа кулаки перед подбородком и всем видом показывая, что он готов в любой момент ринуться вперед. Городской мальчишка был выше Чонхо, но лишь сантиметров на десять-пятнадцать.

– Шучу-шучу. – Паренек поспешил сменить тон. – Что ж ты сразу заводишься?

– Пошел прочь, пес поганый, – тихо выдавил из себя Чонхо. Кулаки он не опустил. – Оставь меня в покое!

– Ладно-ладно, не пристаю больше. Вот только по тебе видно, что тебе не помешали бы вода, еда или что-нибудь в этом роде, – отметил парнишка. – Я тебе покажу, где достать воды, если последуешь за мной.

– Зуб даю, что ты врешь, – сказал Чонхо.

– Ну даже если я лгу – ты всегда успеешь мне набить морду, – с улыбкой заметил городской мальчик.

– Как тебя-то звать?

– Все зовут меня Вьюном.

– Дурацкое имя, – сурово отрезал Чонхо. И все же мальчики вместе отправились в путь. Вьюн умело лавировал через толпу, постоянно меняя направление движения, ни разу не остановившись и не сбившись с пути. Вьюном его прозвали не зря. Чонхо не удержался от вопроса:

– Далеко еще?

– Еще чуть-чуть. – Все, что ему ответил Вьюн.

Поначалу Чонхо пробовал запоминать все повороты, чтобы можно было потом самому найти дорогу обратно к южным воротам. Но постепенно он бросил эту затею. Не было особой ценности в том, чтобы определять свое положение исходя из одного места. Даже если бы он и смог туда вернуться, он все равно не знал, как найти что-либо другое в городе. По сути, мальчик был совершенно потерян и растерян. Магазины с вывесками, усеянными китайскими зако-рочками, свист проносившихся мимо рикш, крики торговцев и уличных потешников, набитый народом трамвай, подвешенный за электрические провода, – вся обстановка довлела над ним, истощая все чувства. Чтобы держать себя в равновесии, Чонхо вперил глаза в худенькую спину Вьюна, от центра которой расходилось большое потное пятно в форме наконечника стрелы.

– Пришли. – Вьюн развернулся и ухмыльнулся, указывая вперед. – Как тебе?

Они подошли к краю канала, не имевшего ничего общего с бодрыми ручьями свежей воды, которые можно было отыскать на каждом шагу у подножия гор вокруг деревни, где вырос Чонхо. Заболоченная речушка текла мелкой струей примерно метрах в пяти ниже уровня улицы. Ее гравийные берега сдавливали насыпь из булыжников и цемента. Вьюн показывал ему на расположенный неподалеку каменный мост, который со скрипом пытался удерживать вес высыпавшей на него кучки тележек и пешеходов.

– Ну и куда ты привел меня, дурень? – буркнул Чонхо, даже не пытаясь скрыть раздражение. – Ты сказал, что здесь будет вода.

– Вода под мостом, – ответил Вьюн как ни в чем не бывало.

– Эта грязная жижа-то? Ты меня за собаку принял?

– Не к чему постоянно распалиться. И без тебя жарко до чертиков. Я этот мост домом называю, – отметил Вьюн. Не дожидаясь дальнейших колкостей в свой адрес, он заметил: – Либо ты со мной, либо возвращайся туда, откуда пришел, мужичок. – С тем он нагнулся, положил ладони на край насыпи и, легко перебросив ноги через край, спрыгнул. Чонхо поспешил к уступу и глянул вниз. Вьюн уже успел выпрямиться, стряхивая пыль с рук.

– Мать его за ногу, – шепнул себе под нос Чонхо, но все же последовал примеру проводника.

– Чего так долго? Не такой уж ты у нас и смелый, оказывается, – насмешливо бросил Вьюн. – Еще немного.

Вопреки надеждам, никакой прохлады от потока воды не исходило. По мере приближения к мосту Чонхо заметил, что под сводами лежит полукругом груда мусора, которая оказалась рядом самодельных палаток. На больших камнях вблизи сидела, развлекая себя разговорами, группка мальчишек примерно их возраста. Они поднялись при виде Вьюна. Ребятишки были покрыты плотным слоем грязи, от одного вида которой начинала чесаться кожа.

Чонхо постарался скрыть тревогу, нарастающую в нем, пока они продвигались все ближе к палаткам. Худшее, что он мог бы сделать в этот момент, – кинуться наутек. По насыпи он взобраться не успел бы. Вся шайка с готовностью навалилась бы на него. А вот если бы он изобразил, что ему все нипочем, то, возможно, все обошлось бы.

– Кто это, Вьюн? – спросил один из мальчиков, самый высокий среди оравы. Он был единственным с особым знаком отличия: серым пушком над верхней губой.

– Новенький, только что прибыл с села, – ответил Вьюн. – Воды ему принесите. Он умирает от жажды.

После быстрой перебранки на тему того, кто отправится за водой, один из паренков все же сходил в палатку и вернулся с миской, которую вручил Чонхо.

– Пей, деревенщина, – сказа Вьюн. – Это вода из колодца.

Ободренный Чонхо быстро поднес миску ко рту и начал жадно заглывать воду, ощущая на себе всеобщие пристальные взгляды.

– Полегчало? – поинтересовался Вьюн с очередной ухмылкой, когда Чонхо отвел миску от себя. Тот лишь кивнул.

– Как тебя звать? – спросил долговязый парень с намеками на усики.

– Нам Чонхо. А тебя? – поинтересовался Чонхо, сразу фамильярно переходя на «ты», будто бы они были одного возраста.

– Манеры никто не отменял. Мы тебя угостили нашей водой... Меня зовут Ёнгу. Но ты будешь звать меня «Старший братец».

Чонхо ничего не ответил на это, и Ёнгу продолжил расспросы:

– Из какой ты провинции? Что привело тебя в Сеул?

– Я из Пхёнандо²⁰. А в Сеуле я потому же, почему и все, – ответил Чонхо. – В провинции не осталось ничего съедобного.

– Семья-то у тебя есть?

Чонхо на мгновение задумался. После кончины отца к ним пришел вдовец с предложением взять в жены миленькую старшую сестру Чонхо. Вдовец даже был согласен взять к себе в дом их младшую сестру. Но только не самого Чонхо. Кормить пятилетнюю свояченицу – одно дело, а мальчишку, который вот-вот станет мужчиной, – совсем другое. А поскольку старшая сестра предпочла бы отказаться от предложения и помириться с голодом, чем бросить брата, Чонхо только и оставалось, что тихонечко сбежать посреди ночи.

Посему Чонхо ответил просто:

– Все уже на том свете.

– Тогда тебе сегодня изрядно свезло, – заявил Ёнгу. – Вступай в нашу шайку, и тебе больше не надо будет бояться смерти от голода. Да, у нас самих еды не то чтобы очень много, но мы всем делимся друг с другом.

– Мы все тут сироты, как и ты, – услужливо вставил Вьюн.

– Откуда вы берете еду? – осведомился Чонхо.

– Попрошайничаем, воруем... Только не волнуйся, обкрадываем мы только плохишей. Быстро всему научишься, – пояснил Ёнгу. – Но прежде ты должен поклясться нам на верность и отдать нам все деньги, которые у тебя есть.

– Нет у меня никаких... – возразил было Чонхо, инстинктивно хватаясь за свой кошелек на веревочке... И с ужасом понял, что того уже давно нет на месте.

– Он у меня, мужичок, – огласил Вьюн, показывая мешочек. – Знаешь, а ведь я мог просто скрыться в толпе и оставить тебя ни с чем. Но я тебя привел сюда, где мы живем. Так что не устраивай нам тут гребанный цирк, дурачок.

Вьюн кинул мешочек Ёнгу. Тот поймал его одной рукой. Чонхо оставалось стоять, трясясь от гнева, пока парень разворачивал мешочек и доставал его содержимое. Ёнгу сразу прикарманил монеты. А вот серебряное кольцо и портсигар он долго вертел в руках.

– Деньги забирайте. Но не эти две вещицы, – проговорил Чонхо. Сердце бешено билось. – Возвращай их взад.

– Ты за какого психа меня принимаешь? К чему мне расставаться с ними? – фыркнул Ёнгу. – Такие вещи бывают только у богатеев. Ты украл их, разве нет?

²⁰ Пхёнандо – одна из провинций Кореи во времена правления династии Чосон. Столицей Пхёнандо выступал Пхеньян.

– Отец оставил мне их перед смертью, – сказал Чонхо. По правде говоря, кольцо и портсигар он нашел под подушкой отца, когда тот уже покинул этот мир. Но, с его точки зрения, это было почти что отцовский подарок. Чонхо был его единственным сыном и наследником. Это были его вещи, и не потому что за них можно было выручить хоть сколько-то денег, а потому что это были практически семейные реликвии.

– Ты реально ничего не понял, – заметил с ухмылкой Ёнгу. – Либо ты еще не голодал по настоящему, либо ты действительно совсем тупой. Эти вещи тебя не спасут от смерти, когда ты будешь лежать, обессиленный, где-нибудь в канаве. А вот если мы их продадим, то сможем наесться до отвала. – Вопреки бахвальству, звучавшему в его речи, последние слова Ёнгу произнес с едва заметной, но искренней тоской.

– Да без разницы мне. Подыхайте с голоду. Не хочу быть с вами заодно, – выпалил Чонхо. – Отдавай мое добро!

Ёнгу от души засмеялся. К нему присоединились и другие мальчишки.

– Можешь валить отсюда, тебя никто не задерживает. Ничего я тебе не отдам. То, что ты вообще кидаешься тут требованиями, выдает в тебе законченного простака. Вот твой первый урок жизни в Сеуле, – сказал Ёнгу.

Чонхо выставил руки перед подбородком, готовый к драке. Пареньки прекратили хохотать. Улыбка пропала с губ даже Ёнгу. Он убрал вещицы в мешочек и кинул его на хранение Вьюну.

Остальные мальчишки, будто по команде, сделали пару шагов назад, образуя широкий круг, в котором остались Ёнгу и Чонхо. В воздухе сквозил задор изголодавшихся и изъеденных жизнью половозрелых мальчишек. Но даже в этой волне напряжения был момент, когда оба противника ощутили, как изгаженный канал, заваленный мусором, и неприятная сырость полутьмы под мостом, а заодно и весь этот бессердечный город, уходят далеко на задний план. Ёнгу мыслями унесся к хижине, где он родился и вырос, всего в паре километров от места, на котором он теперь стоял. Его неожиданно захлестнули обрывистые воспоминания о теплой руке матери и мягкой шерсти собаки. И оттого ему на душе сразу стало уютно. Чонхо же полностью отстранился от всего, окружавшего его, в том числе Ёнгу и даже собственной физической оболочки, подкошенной голодом. В последнюю долю секунды, перед тем как были нанесены первые удары, Чонхо лишь устремил взгляд к небу, которое ожесточенно сияло желтым светом послеполуденного солнца. Небеса не принесли ему ни успокоения, ни отваги, как обещал отец. Но у Чонхо пронеслась мысль, что где-то там, вдалеке, пребывают отец и мать. Он пришел в этот мир не один, и сознание этого напомнило ему, почему он должен делать все, что в его силах, чтобы выжить. С этим ощущением он и бросился вперед, направляя кулак прямо в голову Ёнгу.

Ёнгу ловко увернулся от атаки и ответил собственным приемом, от которого малец уклонился. Следующие несколько минут они примерялись друг к другу, замахиваясь и предупреждая удары. При этом они сохраняли безопасную дистанцию. Вдруг Чонхо ринулся вперед, прицеливаясь кулаком в живот Ёнгу. Чонхо слегка наклонился, и теперь его голова была как раз на идеальном уровне, чтобы Ёнгу мог по ней хорошенько треснуть. Но как раз когда переросток самоуверенно выкинул кулак вперед, Чонхо нырнул под рукой и со всей силы влетел башкой прямо в туловище оппонента, как барашек, вознамерившийся повалить дерево. Чонхо прекрасно понимал, что любые преимущества, которыми может похвастаться высокий парень, полностью устраняются, как только тот оказывается на земле. Вне зависимости от роста, почти что всегда побеждает тот, кто умудряется опрокинуть противника наземь. Как только Ёнгу рухнул, больше от удивления, чем от чего-либо другого, Чонхо уселся ему на грудь и принялся ожесточенно колошматить голову парня обоими кулаками. Ёнгу быстро перехватил щуплые запястья Чонхо и закричал, на этот раз уже преисполненный неподдельного гнева:

– Ах ты мразь! Гаденыш!

На этих словах Чонхо резко запрокинул голову назад и со всей дури опустил ее о лоб Ёнгу. Тот заорал от боли, однако Чонхо, даже не моргнув, снова жакнул по черепу Ёнгу, еще сильнее. Наконец, главарь шайки отпустил запястья Чонхо и так и остался лежать на земле, безмолвно истекая кровью. Только тогда Чонхо поднялся, утирая тыльной стороной руки окровавленный лоб.

– Гоните мои вещи, – бросил он Вьюну. Тот кинул мешочек Чонхо.

Чонхо покопался в карманах Ёнгу, пока не нашел свои две монетки, и вернул их в мешочек. Остальные мальчишки молча наблюдали за ним. Чонхо покинул своды моста, намереваясь найти щель в насыпи, через которую можно было бы легко выбраться из канала. Не прошло и минуты, как за его спиной послышался топот ног, а затем – и окрики.

– Эй! Подожди! – Это был голос Вьюна.

– Чего надо? – огрызнулся Чонхо. – Соскучился? Тебе тоже наkostenять по шее?

– Не уходи, – сказал Вьюн. – Ты разве не понял, что ты сделал? – Он дал себе отдышаться и наконец выпалил: – Ты одолел нашего главаря. А значит – ты наш главарь.

Чонхо фыркнул:

– А я не хочу быть вам главой. Пускай Ёнгу распоряжается тобой и всеми своими холуями. Мне оно не больно нужно.

– У нас так не заведено! – настойчиво продолжил Вьюн. – Ну, допустим, что ты не хочешь быть с нами. Ладно. Но как ты собираешься один выживать здесь? Мы же не единственная шайка попрошайек в Сеуле. Даже в этом одном районе таких, как мы, много. Есть и настоящие банды преступников постарше. Ты же не думаешь, что они оставят тебя в покое?

– А тебе-то какая разница? – Чонхо сорвался на крик. – Убьют – значит убьют. Оно тебя не касается!

– Горячая ты голова. Я просто пытаюсь помочь, – сказал Вьюн. – Если хочешь пожить подольше, то надо примкнуть к какой-то группе. А если ты в ней еще и главный, то можешь делать все, что вздумается. Можешь приказать остальным мальчикам отдавать тебе долю побольше. Тебе, возможно, даже не придется самому попрошайничать.

– И это я слышу от бывшей правой руки Ёнгу? – В вопросе Чонхо сквозила презрительная издевка.

– Никому я не правая рука, – заметил со смешком Вьюн. – Я лишь пытаюсь выжить. И если ты не упертый осел, то ты поступишь так же, как и я.

Взгляды мальчиков пересеклись. Вьюн улыбался, и когда он вел его в их притон, и когда отбирал у него последние деньги. Это был один из той породы мальчишек с маленькими глазками, как у головастика, чьи легкомысленные дешевые улыбки всем и вся не вызывали ничего, кроме непонимания и омерзения. Придя к этому выводу, Чонхо пришлось сильно сдерживать себя, чтобы не поддаться невыносимому желанию наградить Вьюна фингалом. Но невозможно было оспаривать и то, что уличный мальчишка напрямую не солгал ему и не намеревался навредить ему. А потому в его словах о необходимости держаться вместе была доля истины.

В следующее мгновение Вьюн вытянул перед собой руку. Не понимая зачем, Чонхо принял рукопожатие и поразил сам себя, пожав протянутую руку несколько раз. Мальчишки, словно смутившись, поспешили развести руки.

– Пошли обратно, – сказал Вьюн. – Скоро наши ребята вернутся. В наших рядах есть акробаты, карманники, настоящие попрошайки. Остается надеяться, что за сегодня заработали достаточно хоть на какое-то подобие ужина.

– А что вы обычно едите? – Чонхо не удержался от вопроса, в котором слышалось любопытство вперемешку с предвкушением.

– Если все путем – тушеное мясо или картошку. Несвежую рыбу, все в таком роде.

– От мяса я бы сейчас не отказался. Больше суток вообще ничего не ел, – проговорил Чонхо, и с каждым словом ему становилось еще более стыдно, что он столь откровенно обнажает свою подноготную.

– Я тоже. Но человеку необязательно есть каждый день. Так мне всегда говорила мама, – заметил Вьун с очередной невымученной улыбкой, которая показалась Чонхо уже не столь отвратительной.

Глава 5

Друг из Шанхая

1918 год

Любой человек верит в свою уникальность и особое предназначение. Без этого сознания жизнь была бы невыносимой. Однако в случае Ким Сонсу эта вера была не просто основанием всех дальнейших построений, но квинтэссенцией всего его естества. Разумеется, ему самому это было совершенно неизвестно, поскольку именно люди такого рода наименее склонны уличать себя в самодовольстве. Будучи современным человеком, получившим отличное воспитание, Сонсу установил для себя персональный кодекс чести и был вполне доволен тем, что следование этому своду правил не вызывало у него особых сложностей. Он выступал за независимость и против гражданской оппозиции во всех формах, полагая, что любые перемены должны исходить сверху вниз, посредством обращения мольбы об освобождении Кореи к Соединенным Штатам Америки. В компании друзей он высказывал надлежаще недоброжелательные комментарии в адрес оккупантов, наслаждаясь в равной мере красноречивостью собственных слов и мягким вкусом любимых японских сигарет. Он предавался любовным романам, которые были обременительны физически, финансово и иногда даже эмоционально, но он был достаточно благороден, чтобы не бравировать своими похождениями перед женой, вынуждая ее попусту терпеть унижение. Иными словами, Ким Сонсу был ничем не хуже любого другого корейца, который был единственным наследником влиятельной семьи землевладельцев с ежегодным доходом в почти две сотни тысяч *вон*.

Когда Сонсу был еще юнцом, вся провинция величала его отца «богач Ким». Самого Сонсу называли «маленьким господином» не только собственные слуги, но и крестьяне из сопредельных деревень на многие километры вокруг. Сонсу отправили в школу, а затем и в университет в Сеуле, как и всех сыновей обеспеченных землевладельцев. Его обручили и женили в 20 лет на дочери чиновника, которая тогда только-только окончила христианский колледж для девиц. Вместе пара прожила почти три года в пятикомнатном гостевом доме при особняке дяди Сонсу. От основного здания их отделял внутренний дворик. Те дни Сонсу проводил в посиделках с друзьями, все из которых были выходцами из обеспеченных и образованных семей, и попойках с куртизанками в дорогих ресторанах. Ближе к ночи он, напившись до бесчувствия, возвращался к жене, позволяя ей раздеть и мягко пожурить его. Супруга Сонсу получила образование у американских миссионеров. Дома же ее приучили, что идеальная жена должна в духе терпеливого самопожертвования прощать любые недостатки мужа. Однако дядя Ким Сонсу – правительственный чиновник, который снискал себе титул графа в свете аннексии 1910 года²¹, – заключил, что племянник не может и дальше в том же духе разбазаривать семейное состояние и собственные таланты. В связи с этим он и отправил его доучиваться в Японию.

Сонсу оставил жену и один отправился в Токио, где он провел три года за изучением (правда, без особого энтузиазма) французской, немецкой и русской литературы. Если он не сидел за книгой Пушкина или Гёте, то пребывал в кругу других студентов-экспатов, многие из которых были столь же беззаботны, как и он сам. Сонсу, сам того не осознавая, сторонился тех учащихся, которые проявляли какие-либо убеждения или были озабочены теориями о суве-

²¹ Имеется в виду Договор о присоединении Кореи к Японии, по которому император Кореи передал полностью императору Японии права на управление Кореей. Договор, фактически утративший силу после 1945 года, был формально отменен лишь в 1965 году.

ренитете и равенстве. Один оказывался слишком нудным, другой – очень склочным, третий – чересчур простодушным и неразборчивым в культуре и искусстве. И все же весьма неожиданным образом Сонсу сблизился с одним студентом из политического кружка. Бывает так, что мы выбираем единственным другом человека из группы людей, к которой в принципе относимся с пренебрежением. Будущий товарищ поразил Сонсу незаурядным умом, достойным происхождением и – что было очень даже кстати для разрешения периодически возникавших между ними разногласий – истинной скромностью. Так завязалась дружба между Ким Сонсу и его давним приятелем Ли Мёнбо.

Сонсу вернулся в Сеул, а вот Мёнбо задержался в Токио еще на год. Оттуда он направился во Владивосток, пересек с востока на запад Маньчжурию и, наконец, обосновался практически на постоянной основе в Шанхае. Сонсу уже лет шесть-семь как утратил связь с другом и так долго не вспоминал о нем даже в самых сокровенных мыслях, что неожиданное получение письма от Мёнбо с просьбой о встрече было для него настоящей встряской. Когда прошло первое удивление, к Сонсу вернулось самообладание, и он постепенно так распалился от перспективы воссоединения с другом, что наконец возрадовался этой возможности. В назначенный день Сонсу проснулся и умылся горячей водой, подготовленной для него старушкой, которая служила при их семье экономкой. Он гладко выбрился и надел накрахмаленную белую сорочку, которую для него отгладила и выложила жена. Идеально отутюженные рукава с треском раскрылись, когда он продевал через них руки. Этот звук ему доставлял неподдельное удовольствие. Когда он был полностью одет, появилась супруга с завтраком: миска белого риса, жареная рыба, суп с ростками сои, *кимчи* и приготовленные на пару яйца с подсоленными креветками.

– Хорошо сегодня спал? – поинтересовалась она дружелюбно, ставя перед ним поднос.

Сонсу пробормотал что-то нечленораздельное в ответ. Жена щебетала об их сыночке, который снова умудрился попасть в какие-то неприятности в школе, и об их грудной дочке, которая, по ее мнению, подхватила ветрянку. Всем этим домашним делам Сонсу уделял самую малую толику внимания. Ему часто казалось, что его дети были скорее принадлежностью жены, чем его собственными чадами. Его огорчало, сколь ничтожную долю привязанности он от природы ощущал к ним, и он полагал, что его отношение к ним было продолжением тех чувств, которые он испытывал к их матери – своей жене. Эти трое не всегда безупречно, но вполне уживались друг с другом в духе естественной, теплой и даже пылкой преданности друг другу. Сонсу же ощущал себя посторонним элементом, нечаянно попавшим в самую что ни на есть настоящую семью, которой не хватало только отцовской фигуры. Ему часто казалось, что он заигрался с чьими-то чужими женой и детьми.

– Замечательно, – ответил Сонсу, смутно сознавая, что жена как раз рассказывала ему о сыни у дочери. – Мне пора.

На улице стояло великолепное октябрьское утро, когда небо становится лазурно-голубым, а в воздухе явственно ощущается свежесть. Прохладно-золотистый свет осени освещал и освящал все вокруг, от крыш домов до прятавшихся за заборами садов и протяженных улиц. Оставшись наедине с самим собой, Сонсу почувствовал, насколько здоровым и полным сил было его тело, облаченное в модный костюм оттенка древесного угля, который был пошит и доставлен ему на дом персональным портным всего неделю назад, как раз для такой погоды. Все отлично сидело и смотрелось на нем: галстук, накрахмаленный воротничок, к которому тот крепился, жилетка с шелковой спинкой, шерстяная шляпа с широкими полями и начищенные до блеска ботинки. Район Чонно выглядел ничуть не менее прекрасно в этот день. Если летом его взору здесь представляли сплошь крестьяне и рабочие, в которых очарования не было ни грамма и которые вызывали в нем лишь сильнейшее отвращение, то сейчас, осенью, его взгляд радовали только пылающие всеми красками деревья, тени которых растеклись неясными контурами по проспекту.

В бодром расположении духа Сонсу прибыл в контору и приступил к работе. Секретарь – молодой парень из провинции, полный готовности зарекомендовать себя, но наделенный лоснящейся бурой физиономией и слишком простецкими манерами, чтобы когда-либо выбиться в литераторы, – сразу же почтительно разложил перед начальником стопочку утренних газет. Сонсу пробежался по новостям, начав с важных сюжетов, чтобы ощутить, что он приобщился к последним событиям в державе, но, не дочитав до конца и первую статью, утратил интерес и зашелестел страницами в поисках чего-то более занимательного. В одном из изданий он обнаружил редакторскую заметку о бунте, который разгорелся из-за резко подскочивших цен на рис. В январе предшествующего года рис стоил 15 *вон* за 80 килограммов и уже целых 38 *вон* в августе этого года. Автор статьи заверял, что за все пять тысяч лет существования Кореи рис не был столь дорогим, а это обрекало и крестьян и рабочих на массовый голод. В день бунта, произошедшего прямо здесь, в сердце Чонно, по которому только-только совершил такой приятный утренний променад Сонсу, около тысячи мужчин и женщин всех возрастов забросали грязью и камнями полицейских, вооруженных мечами и винтовками. Пришлось призывать на помощь армию, которой удалось разогнать толпу. Сотни людей были задержаны. Автор заметки молил об освобождении мятежников.

Педантично ознакомившись с основным посылом статьи, Сонсу взялся за роман-фельетон, который он прочитал с гораздо большим интересом. Героем произведения был мужчина лет за тридцать, представитель высших сословий, современный человек с отличным образованием, как, впрочем, и сам Сонсу, и автор романа. В новой части романа персонаж как раз влюблялся во вдову своего недавно почившего лучшего друга вопреки всевозможным хитросплетениям чувств и привязанностей. Если газету Сонсу отложил, пренебрежительно бормоча «Какая гадость! Нелепейший вздор!», то чтению романа он втихаря предавался с огромным удовольствием и с нетерпением предвкушал появление следующих глав, даже осмеливаясь мечтать когда-нибудь написать нечто в том же стиле.

Следующие несколько часов он работал над текстами для ежеквартального литературного журнала, главным редактором которого он сам являлся. Состоялась еще быстрая встреча с издателем. Тот поведал ему печальные новости по поводу установленного у них в подвале печатного станка, на котором они штамповали и собственный журнал, и работы других издателей, и даже кое-какие брошюры. Ким Сонсу только успел распрощаться с издателем, как в кабинет постучался секретарь и провел в комнату Ли Мёнбо.

– Сколько лет, сколько зим? – восклицали друзья, долго не разжимая рук. Когда с приветствиями было покончено, Сонсу крикнул секретарю, чтобы тот подал им кофе. Друзья расположились друг напротив друга с сияющими лицами.

– Почему ты не сообщил мне, что прибыл в Сеул? Я-то думал, что ты все еще у себя, в Шанхае, – упрекнул друга Сонсу.

– А я только что приехал. Побуду здесь месяц-другой и поеду обратно, – ответил с улыбкой Мёнбо.

– Выглядишь отлично. Китай тебе явно на пользу! – Сонсу разразился доброжелательным смехом. Но в действительности глаза его еще привыкали к разнице между Мёнбо из воспоминаний и фигурой, оказавшейся перед ним. Постепенно пришло осознание, что Мёнбо постарел быстрее, чем он сам: щеки и подбородок были покрыты темной щетиной, хотя до вечера было еще далеко, а пальто свободно болталось на нем. Сидевший перед ним человек вызвал у Сонсу чувство искреннего сострадания, что, парадоксальным образом, улучшило ему настроение. Он сразу ощутил себя здоровее и сильнее, чем когда-либо прежде.

Секретарь спешно внес кофе на блюдечках. Друзья некоторое время заняли себя распитием напитка.

– Даже не пытайся льстить мне. Это ты у нас пышешь здоровьем и бодростью. Наверно, так всегда бывает, когда берешь в жены хорошую женщину. Кстати, как поживает моя

невестка? – спросил Мёнбо. Сонсу улыбнулся дружелюбному слову «невестка». С женой друга Мёнбо вообще никогда не встречался.

– Хорошо, ей никогда не бывает нехорошо, – ответил Сонсу.

– А дети как? Сколько им уже?

– Мальчику пятнадцать, девочке только что исполнился год.

И таким образом они провели полчаса за наверстыванием упущенных за годы разлуки деталей о жизни, семьях, общих друзьях и знакомых, а заодно издательстве Сонсу и стороннем проекте, который у него недавно стартовал.

– Магазин велосипедов! – воскликнул Мёнбо, – Как ты вообще додумался до такого?

– Я всегда любил кататься на велосипеде. Это мое давнее и любимое хобби, – отметил Сонсу. – Но хватит обо мне. С чем ты приехал сюда? Давай лучше все обсудим за обедом. Ты же наверняка голодный? Пойдем в новый ресторан. Его только-только открыли. Называется «Мёнвольгван»²². Готовят ничуть не хуже, чем при дворе у императора. Подают по семь-девять блюд. Трапеза получается превосходная.

В первый раз с момента воссоединения на лице Мёнбо промелькнула тень, словно он пытался скрыть недовольство по какому-то поводу. Вслух же он сказал:

– Спасибо, но я не особенно голодный. Да и у тебя здесь так уютно.

– Уверен? Да ладно тебе, я угощаю, – начал уговаривать друга Сонсу. – Позор на мою голову, если ты не дашь угостить тебя обедом после стольких лет.

Мёнбо улыбнулся, маска отчужденности исчезла с его лица.

– Ты все такой же щедрый, каким я тебя помнил, – заметил он. – Даже во время учебы я всегда вставал на твою защиту, когда кто-нибудь пытался заявить, что ты всего лишь избалованный мальчик из богатой семьи. Я всегда знал, что ты гораздо лучше, чем другие могут предположить.

– Ладно тебе, Мёнбо. Я даже не знаю... – проговорил Сонсу, неожиданно ощутив уныние. – Не такой уж я и добряк. Ничего я особенного не сделал, чтобы заслужить такие похвалы.

– А если бы у тебя появился шанс показать свою добрую натуру? – вдруг спросил взволнованно Мёнбо. – Разве ты не пошел бы по верному пути? Не продемонстрировал бы свое великодушие?

– Что ты имеешь в виду? Не понимаю...

– Ты же наверняка все знаешь и без меня. Разве ты не видишь, как гибнут люди, Сонсу? Порядочные, трудолюбивые крестьяне, которые никому в жизни не сделали ничего дурного, мрут, пытаясь каждую оставшуюся на этой земле минуту найти хоть что-то, чем можно было бы прокормиться... Совсем недалеко от этой конторы, прямо здесь, в Чонно, в самом центре Сеула, тысячи людей выступают против угнетения и борются за свою жизнь. Неужели ты ничего не замечаешь вокруг? – В глазах Мёнбо сверкнул странный огонек. – Почему, как ты думаешь, им не хватает риса?

– Потому что цены растут, – неуверенно предположил Сонсу.

– Нет... Точнее, это только часть правды. Цены растут, потому что японцы объявили всеобщую перепись и обмерили всю Корею до последнего миллиметра. И все несчастные крестьяне, лишённые и грамоты, и свидетельств прав собственности на землю – устои предков и устные договоренности не в счет, – проснулись одним прекрасным утром и узнали, что их участки больше им и не принадлежат. А правительство заграбастало всю «не востребованную» землю и либо оставило ее себе, либо продало ее крупным землевладельцам или какой-нибудь японской фирме²³. А крестьяне оказываются разжалованы в арендаторов при крупных поме-

²² «Мёнвольгван» – известный ресторан, существующий и по сей день, один из первых коммерческих заведений подобного типа в Корее, который также первым в стране начал осуществлять доставку пищи. (Прим. ред.)

²³ Подразумеваются *сого сёся*, или буквально «всеобъемлющие торговые фирмы» (называвшиеся до антимонопольного законодательства *дзайбацу*). Это специфически японская форма универсальных компаний, чья деятельность охватывает мно-

щиках. Однако после того, как обычный крестьянин выплатит все подати государству, уплатит ренту за землю, выкупит орудия и воду для орошения и разберется с огромным множеством прочих расходов, у него совсем не останется денег на собственное пропитание. Вот и приходится крестьянам, чтобы приобрести семена и рассаду, влезать в долги в счет будущего урожая. Так они беспрестанно крутятся в этом порочном круге. Из года в год положение крестьян становится все хуже и хуже, пока из них не высасывают последние соки. Это уже не люди, а кожа да кости. Ну и в довершение всего землевладельцы вынуждают крестьян подписывать общий договор, по которому они берут на себя выплату долгов любого арендатора, осмелившегося спастись бегством от этого кошмара. Вот крестьяне, лишенные возможности даже задуматься о побеге, вынуждены топтаться на одном месте до полного вымирания их рода. Тем временем крупных землевладельцев, которым принадлежит львиная доля риса, осеняет интересная мысль: чем больше риса они придержат у себя и рассуют по сундукам, тем выше поднимутся цены; чем выше цены, тем богаче они становятся. А потому их склады ломятся от мешков с зерном, пока все остальные умирают от голода. Только не говори мне, что ты считаешь такое положение дел нормальным!

– Ну да, ситуация малоприятная, но я-то что могу с этим поделать? Да и, кстати, ты же сам сын землевладельца, – ответил кротко, но не совсем уж без задних мыслей Сонсу. – По факту рождения ты получил не меньше благ, чем я. Тебе есть что предложить твоим крестьянам?

– Рад, что ты меня спросил об этом. – Губы Мёнбо тронула довольная улыбка. – Положа руку на сердце, я не могу продолжать пользоваться благами системы, которая – и я чувствую это каждой частичкой души и тела – аморальна. Настанет час, когда мой отец покинет этот мир и его имение перейдет ко мне. И тогда я отдам половину земли крестьянам, которые работали на ней всю жизнь, а вторую половину продам во имя общего дела. Я вообще не получаю никаких денег от семьи. А обеспечивать работу движения из Шанхая на гроши оказалось затруднительно...

– Что же ты молчал об этом раньше? Ты поэтому навестил меня? – осведомился Сонсу. – Ну говори, сколько тебе нужно.

– В первую очередь хочу, чтобы ты понял, что я прошу не для себя. Это сборы в интересах движения, для закупки питания и одежды, обучения в Маньчжурии наших храбрых молодых, которые с радостью готовы отдать жизни во имя нашей страны. – Лицо Мёнбо залилось краской, а на глазах выступили слезы. – Предположу, что для человека твоего уровня двадцать тысяч *вон* будет достойным пожертвованием.

– Двадцать тысяч *вон*? Братец, ты же понимаешь, что на такую сумму я мог бы обзавестись двадцатью виллами? – воскликнул Сонсу. – Все думают, будто бы я страшно богат, но даже для меня это ощутимая сумма. Мне нужно серьезно подумать, – произнес он, заведомо зная, что никогда не даст Мёнбо ни такую, ни иную сопоставимую сумму. Это решение он принял тотчас же. Время ему нужно было лишь для того, чтобы обдумать, под каким предлогом отделаться от товарища.

– Ты же творческий человек, Сонсу... Как же ты можешь закрывать сердце от всего остального мира? – прошептал с изрядной долей горечи Мёнбо.

– Напротив, именно *потому*, что я творческий человек, мне следует заниматься прежде всего творчеством. А политика – дело таких деятелей, как ты, – ответил Сонсу. Что еще от него потребует его друг? Сокрушаться по поводу печальной участи скота, топчущегося на полях? Каждому созданию уготовано свое место во вселенной.

– Хорошо. Заставить тебя что-либо сделать я не могу. Прошу тебя только задуматься о том, сколько денег ты потратил, чтобы обустроить домик для своей гейши в Токио, и о том, что

жество отраслей экономики. Обычно занимаются всем, от торговли до поставок сырья и разработки продукции. Наглядный пример – корпорация Mitsubishi.

эти деньги могли бы сделать для молодых повстанцев, которым для служения Родине нужны только оружие и амуниция.

– Мёнбо, я же сказал, мне нужно время обдумать. – Сонсу пришлось собрать в кулак всю вежливость, чтобы подавить изъедающее его раздражение и не сорваться. – Обидно, что ты не хочешь отобедать и что нам приходится вести эти разговоры без капли спиртного. Ну да ладно, теперь мы все обсудили, так что можно поговорить и о чем-то другом.

– Да нет, я вижу, что поставил тебя в неловкое положение. Я, наверное, пойду. Но умоляю тебя: во имя нашей дружбы, если ты испытываешь хоть немного привязанности ко мне, просто подумай о том, что я сказал, хорошо?

– Да, конечно, обещаю, обещаю, – сказал Сонсу. На него накатила волна ни с чем не сравнимого облегчения, когда Мёнбо надел шляпу и покинул его кабинет.

* * *

Дом Дани располагался в квартале Ёнотон, неподалеку от зоопарка «Чхангёнвон», открытого на территории прежнего дворца²⁴. В этом районе находились фамильные резиденции многих достопочтенных и старинных семейств. Места в доме самой Дани было слишком много. Дани занимала весь первый этаж основного двухэтажного особнячка, через двор от которого располагался миленький павильончик. Каждая из девочек получила в свое распоряжение по комнатке на втором этаже основного дома. Здесь же размещались горничная и ключница. Это был лучший дом, который Яшме когда-либо доводилось видеть. В нем были кожаные диваны, бархатные портьеры и даже рояль «Стейнвей». В палисаднике росли невиданной красоты редкие заморские растения. В духе присущей ей поэтичной причудливости Дани определила, какой из цветков лучше всего отражал особенности характера каждой девочки. Лилию олицетворяли яркие и радостные летние цветы – подсолнухи. Луне были определены любимые цветы Дани – осенние космеи, которые, по утверждению тетушки, ничего выдающегося собой не представляли по отдельности, но смотрелись впечатляюще в виде букета.

Растением Яшмы стала зимняя камелия – цветущее дерево с юга, которое девочка просто не могла лицезреть прежде в студеном родном крае на севере страны. Демонстрируя чуть больше сердечности, чем обычно, Дани заверила Яшму, что камелия сулит удачу женщинам, ведь камелиям всегда сопутствуют миленькие птички с оперением нежно-зеленого оттенка, которые пьют нектар только из их бутонов, облетая стороной все прочие цветы²⁵. А по окончании отведенного ей времени камелия не темнеет и не разлетается в разные стороны лепестков за лепестком, как другие цветы, а падает на землю чистым и нетронутым нежным бутончиком-сердечком, алым как кровь, столь же прекрасным, как в первый день, когда он раскрылся миру.

– Неизменная любовь – вот к чему стремятся все женщины. Я и в тебе это вижу, – заметила Дани со странной улыбкой. Яшме все казалось, что у приемной тетушки от природы была интуитивная творческая жилка, что-то между талантом художницы и даром провидицы. В эстетических мечтаниях Дани могла заходить далеко, иногда делая небольшие предсказания.

²⁴ Буквально «Парк цветущей добродетели». Имеется в виду зоопарк, который был основан японцами на территории дворцового комплекса *Чхангёнвон*, где, помимо прочего, во времена оккупации также располагались ботанический сад и музей. Японцы значительно переработали ансамбль под указанные цели. В частности, были снесены все стены, окружавшие комплекс, который был сделан практически полностью открытым для публики – серьезное нарушение презюмируемой сакральности власти корейских правителей. Примечательно, что во времена правления японцев в названии была сделана существенная замена: вместо слога «*гун*», обозначающий «дворец», был введен слог «*вон*», обозначающий «сад» или «парк». По окончании оккупации корейцы начали масштабный проект по реконструкции дворцового комплекса и вернули ему раннее название.

²⁵ Подразумеваются отдельные виды белоглазок.

И вне зависимости от того, могла ли Дани в самом деле заглянуть в будущее, ее пророчества казались абсолютно правдоподобными благодаря тому энтузиазму, с которым она их оглашала.

– А каким цветом были бы *вы*, тетушка Дани? – поинтересовалась Лилия.

– А я знаю, – выпалила Яшма прежде, чем успела ответить Дани. – Она – царственная весенняя роза.

И, будто по команде, девочки взяли за руки и закружились вокруг Дани с криками «Королева Роза! Королева Роза!», остановившись, только когда тетушка рассмеялась во весь голос. Но даже в моменты наивысшего веселья Яшма ощущала вину. Луна все еще отказывалась молвить хоть слово. Казалось, что ничего не могло заставить ее заговорить, улыбнуться или разозлиться и отчитать младших девочек.

Луна нарушила продолжавшийся не один месяц обет молчания одним неприметным днем в самом начале осени. Мягкий дождь окрасил округу в оттенки сине-фиолетового. После обеда все три девочки забрались в кровати и просто лежали, вслушиваясь в меланхоличные звуки ливня за стеной. Яшма упростила горничную Хисун рассказать им о своем детстве, проведенном на Чеджудо – окутанном волшебными легендами острове на юге, где, как поговаривали, росли деревья совсем без ветвей и где дикие кони свободно гуляли у подножия укрытой шапкой снега горы. По словам Хисун, ее мать и четыре сестры ходили в море и ныряли за морскими ушками. Под водой они могли продержаться целых две минуты зараз.

– Ну это невозможно, ты все придумываешь! – захихикала Лилия.

– Нет-нет, чистая правда. Женщины с Чеджудо продолжают нырять и во время беременности. Мама чуть не родила меня в море, но успела выплыть, и я появилась на свет уже на берегу. Мама подхватила меня и протерла водорослями, – заверила Хисун.

От горничной всегда можно было услышать невероятные истории такого рода: о горах, дышащих огнем и льдом, птицах с длинными крыльями, которые гнездовались прямо на морских волнах... Прикрывая глаза, Яшма почти что наяву видела женщин, обращающихся в рыб при соприкосновении с водой, и малышей на мелководье в сплетенных из водорослей колыбельках, которые нежно баюкал прибой.

Как раз когда они собирались обрушить новый ворох вопросов на горничную, в дверях появилась Дани, изобразившая глубокое удивление при виде праздности, которой они предавались.

– Да, на дворе сегодня дождь, но нельзя же целый день валяться в постели. В ваши годы я была самой сообразительной ученицей в школе. Даже английский выучила! Пойдемте вниз, научу вас кое-чему.

Когда девочки спустились в гостиную, диван уже был отодвинут к стене, а Дани возилась с грампластинкой – тонким, как бумага, отполированным черным диском, который восхитительно блистал в мерцании свечей. Грампластинка медленно закрутилась на проигрывателе, и комната наполнилась теплыми звуками струн и труб. Яшма вновь закрыла глаза, давая волне звука унести ее далеко в воображаемое море.

– Разве не замечательно звучит? Это называется «фокстрот», – доложила им радостно Дани. – Хотелось бы мне уметь его танцевать, но нас в школе ему не учили. Подождите, поставлю вальс, и поучим его.

Вскоре все они – Дани, Луна, Яшма, Лилия и даже Хисун – на цыпочках кружили по гостиной и хохотали во весь голос. Яшма заметила, что впервые за многие месяцы лицо Луны осветила улыбка.

– Идите ко мне в комнату, девочки, – сказала Дани. – Разрешаю померить мои наряды.

Ее слова произвели желанный эффект, вызвав новый виток оживления. Яшма и Лилия радостно вскрикнули, и даже Луна не могла устоять перед соблазном облачиться и покружиться в платье, украшенном роскошной вышивкой. Утомившись от танцев, они улеглись на

пол грудой цветных шелковых юбок. Их покой прервал только скрежет колес, прокладывавших себе дорогу вниз по улице, превратившейся от ливня в болотную жижу. Хисун сбегала к воротам. Служанка вернулась, дрожа от дождя, и объявила:

– Госпожа, это его честь.

– А он предупреждал о визите? – спросила Дани, хмуря брови. Она сразу же поднялась и начала поправлять платье. Хисун бросилась прибирать комнату, а ключница поспешила собрать девочек и отослать их наверх.

Яшма чуть отстала от остальных. Как раз в тот миг, когда она заворачивала за угол лестничной площадки, девочка повернулась и мельком увидела, как Дани приветствует седовласого мужчину. Тот держался молодцом, несмотря на преклонный возраст, однако в нем уже можно было разглядеть признаки немощности, которая бы овладела им лет через пять-шесть. Яшме представлялось, что не такой человек – с тусклой кожей и мягким голосом – должен был составить пару ее миловидной, но неукротимой тетушке, которая, кажется, могла заставить любого мужчину послушно сесть у ее ног. А посему следовал вывод: Дани не менее прагматична, чем остальные люди, и ставит деньги превыше чувств. Яшма ощутила укол разочарования: Дани все же оказалась вполне земным созданием.

Следующий день начался с уроков музыки и танца. Лилия всегда мучилась с этими двумя предметами, когда ее наставляла мать. Под руководством Дани же девочка приобрела достаточно уверенности, чтобы впервые в жизни обнаружить в себе восхитительный голос, который звучал будто бы не из горла, а исходил от всего ее естества. Луна посвятила себя изучению английского языка, который учили исключительно женщины благородных кровей из самых прогрессивных семейств. Яшма же приноровилась к танцам с тем же воодушевлением, как пристрастилась к поэзии. Оказалось, что оба увлечения имели один и тот же неизведанный источник. Яшме удавалось повторить любое движение с первой попытки, а ко второй или третьей попытке сделать его полностью своим, добавляя небольшой изгиб тела, наклон подбородка или даже просто вдох там, где всего этого не было. Покуда остальные девочки в танце по-прежнему оставались девочками, почти что незаметные детали обращали Яшму в журавля, эпическую героиню, время года, мимолетную идею. Когда это происходило, Дани, подперев подбородок рукой, щурила глаза, что придавало ее лицу выражение полной серьезности. Яшма никак не могла распознать, означало ли это одобрение или досаду.

С наступлением октября Дани сообщила девочкам, что у них планируется важный выезд. «*Мёнвольгван*» – новый ресторан, который ангажировал Дани практически каждый вечер вот уже полмесяца, – обратился к ней и другим куртизанкам из гильдии с просьбой помочь с рекламной заведением в районе Чонно. Дани решила взять с собой младших девочек. Луна не могла присоединиться к ним в ее состоянии. Для Яшмы и Лилии были заказаны новые одежды, а по вечерам девочки отрабатывали свой выход перед сном. После каждой репетиции Яшма думала, сколь несправедливо вынуждать ее спать, когда столько всего еще предстоит сделать и обдумать. Но, полностью измученная от радостного возбуждения, она в конечном счете все-таки впадала в беспокойную дрему, не приносящую особого умиротворения.

Погода за неделю до назначенного дня выдалась серой и дождливой, что повергло Яшму в мучительную тревогу. Однако утром заветной даты на безоблачном небе засияло солнце. Девочки помогли Дани в саду срезать космеи, а потом отправились одеваться. Хисун стояла на страже над обеими подругами. Прежде чем водрузить на голову Яшмы изысканный убор, служанка собрала ее длинную косу в низкий пучок и – в самый первый раз – скрепила волосы девочки серебряной заколкой. Украшение для невест на свадьбах. Высокая прическа символизировала, что девочка уже не невинное дитя, пускай только по статусу, а не телесно. Однако в ее облике все-таки было нечто, отличавшее ее от обычных замужних дам: юбка с запахом имела разрез справа, указывая на ее род занятий. Последнее, что оставалось сделать, – нанести макияж. Когда все приготовления были завершены, Яшма увидела в зеркале прекрасную

незнакомку, чьи алые губки смотрелись особенно ярко на фоне припудренной кожи, и с удивлением осознала, что она сильно похожа на Дани.

– Скоро увидимся, уже скучаю по тебе, – шепнула Яшма в саду Хисун, пока та возилась с воротами. Они должны были вернуться через считанные часы, но все уже не могло быть таким, как прежде. После того как женщину видят в таком облике, она уже больше никогда не будет восприниматься как хорошая партия для женитьбы. Яшма вступила в этот дом ребенком, а теперь покидала его куртизанкой.

Глава 6 Шествие

1918 год

Сонсу подождал минут десять после того, как ушел Мёнбо, и только тогда покинул контору. Он искренне жалел, что воссоединение со старым другом пошло не так, как он надеялся. Вместо того чтобы предаться воспоминаниям о прошлых авантюрах за едой и напитками, упиваясь сознанием того, что кто-то помнит тебя таким, каким ты был когда-то, от встречи они получили только шок понимания того, насколько сильно они теперь отличались друг от друга. Это было гораздо хуже, чем если бы он познакомился с новым человеком и у них как-то не задалось бы с самого начала. К тому же многие годы никто не указывал Сонсу на его недостатки. Все окружающие с готовностью угождали ему: подчиненные – почтением, коллеги – комплиментами, жена – благоговением. И это всеобщее одобрение так безусловно стало частью действительности Сонсу, что он испытал самое глубочайшее потрясение при виде человека, заявившего ему в лицо, что он неправ.

«Правду ли он говорит? Есть ли что-то дурное в том, что я не желаю отказаться от прав, данных мне по рождению, переехать в Шанхай или какую-нибудь деревушку на сибирском высокогорье и тратить мои дни на стрельбу по мишеням и планирование покушений?» – вопрошал себя Сонсу. Он был наслышан о том, как молодые люди – и из обеспеченных высокородных династий, и из крестьянских семейств, и иже с ними – собирались на конспиративных квартирах и клялись посвятить жизнь общему делу. Участники таких таинств срезали себе кончик безымянного пальца и подписывали документы кровью, а на операции выходили не иначе как в приталенных костюмах и шляпах по последней моде, чтобы, если им все-таки довелось бы вдруг встретить смерть, что могло произойти в любой момент, они отошли в мир иной, выглядя достойно. А еще заявляли, что женщины были совершенно без ума от повстанцев.

«Но к чему все это? Глупость, да и только. Ничего хорошего из этого не выйдет. К тому же все эти покушения суть те же обычные убийства, преступления». Такой поток мыслей потихоньку сводил на «нет» сомнения Сонсу. «Мы заявляем, что японцы убивают корейский народ. Но правильно ли в ответ учинять расправу над ними? Это высшее варварство, которое ничуть не менее постыдно. Нет, я не буду соучастником в безрассудном ожесточении. Как бы ни отзывался обо мне Мёнбо, ничто не убедит меня встать на их сторону».

Сонсу полностью удовлетворился своими аргументами. Он почти что улыбался от переполнившего его чувства собственного достоинства, с которым он и вышел на улицу. Солнце было в зените на фоне небесной лазури. Порывы легкого ветерка несли живительную прохладу. Вскоре он случайно встретил друга-драматурга, который тоже получил образование в Японии. Сонсу обменялся с приятелем рукопожатием и обмолвился словом о Мёнбо, с которым драматург тоже был знаком.

– Удивительно, что я повидался с вами обоими в один день, – заметил Сонсу. Затем он деликатно упомянул, что у Мёнбо все складывается нелучшим образом со здоровьем и финансами, что он приехал в Сеул на непродолжительное время, чтобы попросить денег у друзей, и что он сам не был готов незамедлительно оказать помощь другу, хотя мысли о такой перспективе его не покидали. Все это Сонсу искусно донес до собеседника, так ничего прямо не сообщив ему.

– Правильно сделал, что отказал, – проговорил драматург. – Он мне никогда не нравился. И спасибо за то, что предупредил. У меня будут готовы оправдания, если он вдруг попросит о встрече.

Пока они на ходу обменивались новостями, перед ними вдруг возникло скопление громко кричащих людей.

– Только не очередная демонстрация! Предлагаю пойти другим путем, – сказал Сонсу.

– Да нет, кажется. Они вроде бы смеются. Может быть, какое-то представление смотрят? – предположил драматург, которому всегда нравились зрелища. Он отправился в направлении толпы. Когда они подошли поближе, стало понятно, что возгласы и хлопки людей были обращены в адрес какого-то действия посреди бульвара. Друзья протиснулись вперед, и их взору открылось шествие с участием примерно двух десятков куртизанок.

Каждая дама была облачена в изумительное шелковое одеяние, перехваченное белым поясом, концы которого развевались за спиной. На поясах значились имя каждой из куртизанок и наименование недавно открывшегося ресторана «*Мёнвольгван*». В руках некоторых женщин были корзинки с цветами, и время от времени дамы кидали бутоны обожателям в толпе.

– Абсолютный фурор! – со смехом признал драматург. – Просто блистательно! О «*Мёнвольгване*» теперь будет говорить весь город! Нам с тобой нужно заглянуть туда в ближайшее время.

Сонсу всегда нравилось смотреть на красивых женщин, и он с любопытством оглядывал процессию. Как вдруг он оцепенел. В самом центре шествия он заметил знакомое, но изменившееся лицо Дани.

Вначале Сонсу мог лишь сопоставить ее облик с образом, который хранился в воспоминаниях. Прежде круглое личико похудело, а черты лица стали более резкими. Кожа, когда-то свежая и румяная, как первый восход солнца весной, под слоем пудры походила на отполированный кусок мрамора. Подведенные черным глаза, выдающиеся скулы и накрашенные ярко-красной помадой губы делали ее ослепительной. Она уже не выглядела юной. Отрицать это было невозможно. Но одно все же осталось неизменным – живое выражение глаз, через которые можно было украдкой заглянуть в таинственный сад ее внутреннего мира. Это по-прежнему были те самые глаза, которые, казалось, могли заглянуть в сердце любого встречного. В этом никакой перемены не произошло! Когда все эти мысли пронеслись через его сознание, Сонсу наконец-то смог увидеть Дани такой, какой ее видели окружающие: яркой дамой, затмевавшей всех прочих женщин.

Каким образом за все семь лет после возвращения в Сеул он умудрился не встретиться с нею? Объяснение тому было простое: он давно знал, что она стала куртизанкой, и не просто куртизанкой, а одной из самых известных представительниц своей профессии. Сонсу не мог не быть наслышан о ней. В столице интеллигенты, литераторы, художники, дипломаты и люди такого рода крутились всего в нескольких, тесно связанных между собой кругах. И все они обожали красивых куртизанок, некоторые – с чуть менее благородными намерениями, другие – с чуть более невинными ожиданиями. Однако – вынужденно признался он сам себе – он целенаправленно избегал встречи с нею и намеренно посещал только те торжества и попойки, на которых он мог быть уверен, что она не будет развлекать гостей. В глубине души он уже пришел к мысли, что любым связям между ними давно пришел конец. К чему откапывать древние кости и силиться сварить из них бульон? Лучшее, что можно сказать о прошлом, – то, что оно уже прожито и осталось позади. А потому он ни разу не задавался вопросом о ней и даже не мечтал о встрече. Но вот она сама попала ему на глаза, и он ощутил сильное смятение, не зная, что поделать с собой.

– Знаешь вот ту, Дани? – поинтересовался с понимающей улыбкой драматург, подметивший, куда устремлен взгляд Сонсу.

– Я был знаком с нею в давние времена, – ответил тот. – Она тогда еще была в школе.

– В школе? – Драматург недоверчиво задрал брови.

Сонсу пояснил, что мать Дани, которая и сама была куртизанкой первого звена, отошла от дел, когда ей выпала честь стать второй женой влиятельного чиновника.

– Приемная дочь в благородном семействе. Но если ее отправили учиться, то как она вообще стала куртизанкой? – допытывался драматург.

Сонсу отмахнулся от вопроса, не желая углубляться в дела минувших дней. Ему было известно, что Дани получила самое обычное воспитание и была самой невинной девушкой на момент их случайного знакомства перед зданием школы, в которой она училась. Дани никоим образом не было суждено стать куртизанкой. Сонсу обольстил ее невнятными обещаниями и скрылся, как только ему предложили продолжить учебу за рубежом. Такой поворот событий совсем не тревожил его. Ведь он же не говорил прямо: «Я возьму тебя в жены». Он не мог позволить себе жениться на ком-либо, кроме женщины безупречного происхождения и неоспоримого достатка, дамы с определенной долей великосветской заурядности, как его покорная и мироотворенная всем женоушка. Не его вина, если Дани не понимала этого.

– Кстати, за ней стоит очень могущественный покровитель. – Драматург назвал имя какого-то японского судьи, который был на пике карьеры. Именно это светило правосудия, по всей видимости, обеспечило Дани двухэтажным домом и даже бриллиантами. – Если она тебя заинтриговала – знай: она – запретный плод. – Драматург подмигнул другу. – Смотри сколько взлезет, но даже не думай приближаться к ней. Так всегда бывает с лучшими из женщин!

– Да я, впрочем, и не собирался, – проговорил Сонсу, с трудом отводя взгляд от удаляющегося от него красного одеяния Дани.

В нескольких кварталах от того бульвара Ямада Гэндзо выехал верхом на лошади из штаба полка в компании офицера Ито Ацуо, с которым он был дружен. Вследствие сильного отвращения к жестокости, подобной той, которую Хаяси продемонстрировал во время поездки на охоту, Ямада с легкостью уговорил отца отправить его как можно дальше от Пхеньяна. Барон Ямада, как типичный представитель могущественного семейного клана, как правило, был склонен безоговорочно потакать амбициям собственных детей. Отец воззвал к впечатляющей сети целесообразных связей и знакомств, и к весне Гэндзо было предложено отправиться служить в Сеул в звании майора. Неожиданное повышение Ямады вызвало тайную враждебность со стороны практически всех сослуживцев в Пхеньяне – в особенности майора Хаяси. Ямада это прекрасно сознавал, то же было очевидно и его товарищам. Однако все они столь преуспели в сокрытии истинных чувств, а равно в выражении и принятии поздравлений без малейшего намека на горечь, что не оставалось никаких причин устраивать друг другу ссоры.

Ямада быстро обнаружил, что в Сеуле, как и в Пхеньяне, не было ни одного командира, который бы пользовался незыблемой властью. Баланс обеспечивался несколькими военачальниками, которые соперничали за продвижение по карьерной лестнице и наращивание влияния. Прислушавшись к совету отца, Ямада примкнул к фракции, к которой принадлежал майор Ито. Ямада и Ито были статными красавцами примерно одного возраста и в равной мере высокогородного происхождения. Ито, будучи не самого высокого роста, выделялся тонкой талией и мускулистыми икрами, что придавало ему вид человека безграничной энергичности. Он был наследником графства, но, вопреки почетному статусу, держал себя непринужденно и легко. Ито Ямаде пришелся по душе, по крайней мере, в тех пределах, в которых его душа была вообще способна на дружбу. Они часто проводили время вместе вне полка. И на этот раз они направили лошадей к месту запланированной неформальной встречи.

– Понимаешь, поглощение слабых стран и народов более сильными державами и нациями не только неизбежно, но даже желательно, – заметил Ито, проводя пальцем по фигурным усикам. – Модернизировалась бы Корея без участия Японии? Кто принес сюда поезда, дороги, электропровода, – одним словом, прогресс? Мы проявляем всю благосклонность, которую воз-

можно проявлять при управлении столь неустроенным краем. Но этим паршивцам неведомо, что все это – на пользу им.

– Прогресс сюда принесли мы, спору нет. И ты прав: в этом случае вполне применимы законы природы. Однако у меня есть серьезные сомнения по поводу этой истории с рисом, – парировал Ямада. – К чему выжимать из них последние соки? От этого они становятся только враждебнее и неукротимее. Разве нет другого пути?

– Рис нам нужен в Японии. Тело человека же в самую первую очередь подает все питательные вещества и свежую кровь сердцу, а уж потом рукам и ногам. Япония – сердце, а Корея – лишь конечность. К тому же *тёсэндзины* очень уж раздобрели, энергии и крови в жилах у них предостаточно. Пустим им немного крови, они сразу станут послушными. – Эти слова Ито молвил с улыбкой. Ритмичное покачивание тела в седле придавало ему особо залихватский вид в этот замечательный день. – Мы им дарим прогресс, а они нам в обмен дают рис, ну и всякие диковинки, вроде старинных селадонов, тигриных шкур и тому подобного. И такой строй установлен сейчас по всему миру. Вспомни хотя бы, как Великобритания, Франция, Германия, Нидерланды и Бельгия разделили между собой Африку и Азию и оттого стали только сильнее. А Соединенные Штаты промышляют на Филиппинах и в южной части Тихого океана. Такой уж у нас сложился миропорядок.

Ито сделал паузу в монологе, но тут, заметив толпу, собирающуюся вдоль бульвара, понесся галопом вперед. Ямада, подстегнув лошадь, последовал за ним.

– Это процессия чосонских куртизанок! – крикнул Ито, предлагая другу встать рядом с ним. Ямада подвел лошадь к коню Ито. Поверх голов скопившихся людей ему открылся вид на шествие изысканно одетых женщин, распевающих песни, декламирующих нараспев и усыпающих окружающих цветами. Ито зашелся таким громким хохотом, что красивый черный жеребец под ним смущенно заходил ходуном.

– Ой, я совсем забыл о женщинах. Рис, тигры и женщины – вот чем славится Чосон, – заметил с усмешкой Ито и присоединился к аплодисментам и веселым возгласам толпы. Вновь повернувшись к Ямаде, Ито проговорил: – Я без ума от этих девушек. В них есть изюминка, которую не найдешь у наших гейш.

– И в чем же их изюминка? – любопытно спросил Ямада.

– На мой вкус, они более своевольные, чем гейши, которые, подобно воде, нежны и уступчивы. В чосонских куртизанках бушует пламя. Они будут страстно бороться с тобой до самого конца. Однако как раз в преодолении их сопротивления и кроется несказанное удовольствие. Это как расколоть скорлупку грецкого ореха, чтобы полакомиться сердцевинкой. – Ито подмигнул товарищу, сопровождая слова непристойным жестом.

Мимо них проходила рука об руку пара совсем молоденьких воспитанниц, победоносно улыбающихся толпе. Ито не удержался от возгласа:

– Только посмотри на этих малюток. Чудо, правда же? Куртизанки в миниатюре!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.